

Черная дама

Автор:

Наталья Тимошенко

Черная дама

Наталья Васильевна Тимошенко

Секретное досье. Новые страницы (Исследования необъяснимого) #7

"Много лет назад жила в этих лесах колдунья, и было у нее три дочери. Однажды дочери, позавидовавшие матери, решили убить ее и забрать дар себе. С тех пор каждую зиму колдунья, не нашедшая покоя после смерти, выходит на охоту, ищет своих убийц. И если на пути попадается девушка, принимает ее за дочь и убивает..." Такую сказку рассказывают друг другу ученики частной школы в Подмоскowie, но никто по-настоящему не верит в нее до тех пор, пока в лесу не начинают находить убитых девушек. Отец одного из учеников обращается в Институт исследования необъяснимого с просьбой найти маньяка, ведь он уверен: такие смерти уже происходили в школе тридцать лет назад. Войтеху и его команде предстоит разобраться в ворохе старых легенд, узнать настоящую историю призрака Черной Дамы и попытаться найти убийцу до того, как он снова исчезнет на тридцать лет.

Наталья Тимошенко

Черная дама

Пролог

10 февраля 1987 года, 2.30

Школа «Три сосны»

Московская область

Темная февральская ночь – лучшее время для ледящих душу историй. По крайней мере, так считала Ксения, а потому в очередной раз предложила друзьям собраться после отбоя у нее в комнате, чтобы от всей души попугать друг друга. Зимой в школе развлечений никаких, порой целыми днями на улицу не выходишь, поэтому согласились все, кого она пригласила. Пришли даже те, кого не звала: Галка притащила Андрея из параллельного класса, чему Ксения не обрадовалась. Андрея она недолюбливала, а он ее откровенно терпеть не мог. И зачем только явился?

Стол для тайной вечеринки был накрыт что надо: Ксения и ее соседка по комнате Тоня вечером утащили с кухни остатки ужина, поэтому сейчас стол ломился от яств: тут тебе не только картошка и хлебные котлеты, которые Маргарита Филипповна – старая кухарка – выдает за мясные, но и соленые огурчики, и баклажанная икра, намазанная на тонкие ломтики хлеба, и даже маринованные помидоры. Ради последних Тоне пришлось выкрасть у кухарки ключи от погреба. Бутылку самогона парни притащили из деревни еще накануне и спрятали в сарае за поленницей дров.

В тесную комнату народу набилось как селедки в бочку, а потому, когда Андрей сел на подоконник и открыл форточку, никто ругаться не стал. Свежего воздуха не хватало. Освещалась комната только тусклой настольной лампой для придания нужной атмосферы, и казалось, что находятся они едва ли не в гробу. Андрей курил, старательно выпуская облака сизого дыма в форточку: не дай бог дежурный воспитатель учует запах сигарет, мигом всю компанию разгонит, а на завтрашней еженедельной линейке директор показательно выплет всей компании по первое число и отправит на месяц работ: снег расчищать, дрова носить, коридоры мыть.

– И вот в самую полночь из темноты по воздуху выплывает черный-черный гроб! – стараясь придать голосу таинственности, рассказывала Ксения.

К этому времени бутылка самогона опустела, а потому почти никто из ребят не слушал ее. Надо же было вытянуть последний номерок! Рассказывала бы первой, все бы визжали, как с глупой истории Машки Соловьевой. Ни капли

страшно не было, если уж честно, но нужный эффект она произвела. А Ксению даже не слушает никто.

Правда, оказалось, что как минимум один человек все-таки слушал. Когда она замолчала, с подоконника насмешливо заметил Андрей:

– Сказка для малышей. Сходи в корпус к первоклашкам, может, они и испугаются.

– Расскажи лучше! – мгновенно вскинулась Ксения.

Андрей не стал участвовать в общем разговоре, не тянул номерки, не слушал ничьих историй и не рассказывал своих, а потому Ксения была уверена, что и сейчас только презрительно фыркнет и отвернется. Однако он еще раз глубоко затянулся, выбросил окурок в окно, слез с подоконника и пересел в круг на полу, где сидели ребята.

– Ну, слушайте, только если кто впечатлительный, то лучше сразу валите отсюда, – предупредил он. – Потому что история эта произошла здесь.

И вот ведь гадство: все сразу начали слушать! Ее, Ксении, историю почти никто не слушал, а стоило только этому... слезть с подоконника, так все отложили дела и уставились, открыв рты. Ксения насупилась, только что руки на груди не сложила от обиды.

– Лет двести назад в этих лесах жила колдунья, – начал Андрей, понизив голос и профессионально оглядывая каждого из присутствующих, чтобы понимать, какое впечатление производит рассказ, где нужно сгустить краски, а где сделать таинственную паузу. – И было у нее три дочери. Умницы и красавицы, да только никто к ним свататься не приходил. Кому хочется на дочери колдуньи жениться? Ведь всем известно, что однажды ее проклятый дар одной из дочерей достанется, а то и всем трем. Время шло, девушки старели, характер у них портился. Ну, сами знаете, старые девы вечно злые навроде нашей Антоновны.

Ребята нестройно захихикали, вспоминая вечно злущую учительницу физики. Едва ли дело было только в отсутствии мужа и детей, такой уж скверный характер она имела с молодости, но дразнили ее старой девой и не упускали возможности уколоть этим.

– А старуха все не помирает да не помирает. Передала бы уже свой дар которой, они бы понимали, что не зря страдали всю жизнь, а так ни мужа, ни дара. И вот однажды так достала их мать, что решили они ее убить. Долго перебирали разные варианты, и все казалось, что не обхитрят старую ведьму, раскусит та их план.

Чем больше Андрей рассказывал, тем загадочнее становился его голос и тем тише вели себя ребята. Внимали каждому слову, девчонки испуганно жались к парням. И тем больше злилась Ксения. Приперся незванным, еще и все внимание на себя забрал!

– Все случилось в феврале. Таким же холодном и мрачном, как этот, – Андрей выдержал паузу, с тяжелым вздохом посмотрел в темное окно. Даже Ксении показалось, что ледяной ужас тронул ее за загривок, что уж говорить об остальных. – Пошла старуха в лес за дровами, а дочери тронулись следом. В самой непролазной чаще напали они на безоружную мать и задушили ее. Надеялись, что, умирая, она передаст им свой дар. Но старуха сильно разозлилась на предательниц и ничего им не передала. Так они стали не просто озлобленными старыми девами, а еще и убийцами. А колдунья, не избавившаяся перед смертью от дара, не нашла покоя. Как только выпадает первый снег, выходит она на охоту. Бродит по лесу, воет, стонет, прокликает дочерей. Заглядывает в окна... – Андрей снова посмотрел в окно, которое выходило как раз на темный лес. Тома тихонько вскрикнула и прижалась к сидящему рядом Сергею. Ксении захотелось треснуть соседку! – Ищет... ищет... А если какая-нибудь девушка нечаянно окажется ночью на улице, принимает ее за свою дочь и убивает! Ее называют Черной Дамой, потому что она всегда является в черном одеянии. И если вдруг увидите ее или хотя бы услышите вой – бегите, не оглядываясь, иначе – смерть!

Если бы эту историю рассказывала Ксения, перед последним словом она обязательно сделала бы паузу, а потом выкрикнула его. Девчонки взвизгнули бы, парни наверняка вздрогнули. Но Андрей произнес это слово тихо, еще тише, чем весь остальной рассказ. И оттого оно проникло сквозь кожу, миновало мышцы, впиталось в самое сердце, забило вместе с ним, отдаваясь страхом в висках. И девчонки, и парни молчали, но по их глазам было видно, что такого впечатления на них не производила еще ни одна история. Тишину, окутавшую комнату плотным коконом, нарушало только шумное дыхание ребят. Ксения и сама чувствовала, как леденеют пальцы на руках и ногах, и разозлилась за это на себя.

– Ну и бре-е-ед, – старательно лениво протянула она. – Если б Черная Дама реально существовала в нашем лесу, мы бы давно эту историю слышали, не первый год тут живем.

– А ты сходи, проверь, – Андрей насмешливо кивнул в сторону окна.

Ксения невольно проследила за его взглядом. Комната находилась на первом этаже, упиралась в густой лес, а фонарь с этой стороны был разбит с осени. Идти туда не хотелось бы даже летом, не то что в холодном темном феврале. Но вызов брошен, а Ксения Мамонтова отступить не привыкла!

– А и схожу! – Она смело поднялась на ноги.

– Ксюш, ты что? – шепотом спросила Тома, испуганно дернув ее за штанину.

Но Ксению, вошедшую в раж, ничто и никогда не останавливало. Нервными, дергаными движениями она натянула пальто прямо на пижаму, сунула босые ноги в сапоги. Вылезала через окно, чтобы не быть пойманной дежурным воспитателем, если вдруг тому придет в голову заглянуть в корпус старшеклассников. Именно поэтому все сборища всегда проходили в их с Томой комнате: легко залезть через окно, а если воспитатель решит пройтись по двору, можно затаиться за ближайшими деревьями.

Идти было страшно. Девчонки остались в комнате, столпились у открытого окна, с ужасом и уважением глядя ей вслед, парни вышли, но остались на опушке, даже за забор не полезли. Ксения нырнула в дырку сама, вышла с другой стороны и сразу почувствовала, что осталась одна. Будто забор разделил мир на тот, где есть школа, друзья, редкие визиты домой, еще более редкие передачи из дома, и этот, где есть только она и густой недружелюбный лес. По уверениям Андрея, еще и Черная Дама, но если бы Ксения хоть на секунду допускала ее существование, ни за что не шла бы сейчас по рыхлому снегу, проваливаясь в сугробы. Снег засыпался в сапоги, намочил босые ноги, и теперь пальцы леденели уже не от ужаса, а от холодной воды. Растущая луна освещала лес достаточно хорошо, свет пробивался через голые ветки деревьев, отражался от снега, а потому дорогу Ксения видела неплохо. Но вот стоило оглядеться по сторонам, как сразу становилось понятно: только дорогу она и видит. В паре метров вокруг уже царил темнота, разливалась по лесу чернильным пятном, стирала знакомые очертания.

Ксении нужно было дойти до старого шалаша, находящегося примерно метрах в пятистах от забора, принести оттуда дырявое ведро, в которое подростки складывали окурки, когда гуляли там летом, в доказательство того, что она не просидела испуганно за ближайшим дубом. Но чем глубже в лес она продвигалась, тем сильнее хотелось повернуть обратно. Черт с ним, с дырявым ведром, черт с ним, с Андреем. Пусть всю следующую неделю над ней будут насмехаться, только бы не слышать оглушающей тишины вокруг, разрываемой лишь скрипом снега под ее сапогами да редким уханьем вылетевшей на охоту совы. В этой тишине каждый посторонний звук отдается эхом в испуганном сердце, заставляет вглядываться в темноту до кровавых кругов перед глазами.

Дыхание сбилось, и лишь тогда Ксения поняла, что не может дальше идти. Промокшие ноги словно приросли к очередному сугробу, в который она провалилась, по щекам покатались замерзшие льдинки-слезинки. Страшно, до чего же страшно!

Снова ухнула сзади сова, совсем близко. Ксения подпрыгнула, обернулась и не сдержалась – зарыдала в голос. Благо отошла уже далеко, никто не услышит, а красное лицо потом можно списать на мороз.

И все равно не повернула назад. Да и зачем? До шалаша оставалось совсем немного, возьмет это чертово ведро и вернется победителем.

Скрип снега заставил ее замереть. Это были совершенно точно не ее шаги. Кто-то шел за ней, шел быстро, стремительно приближаясь. Кто-то из ребят? Поимел совесть и решил сопроводить ее? Или же напугать? Скорее, последнее. Джентльменов в их школе не водилось. Ксения гордо вздернула подбородок и пошла вперед, не оглядываясь. Пусть не думают напугать ее.

Длинная тень скользнула между деревьев, обогнала ее, давая понять, что преследователь совсем рядом и он гораздо выше, больше глупой гордой девчонки. Сердце колотилось уже не в груди, а в горле, и Ксения не выдержала, обернулась.

Громкий крик разорвал тишину ночного леса, испугал сонную птицу, та закричала вместе с Ксенией.

Огромная черная фигура нависла над перепуганной девушкой, отнимая и волю, и силы бежать. Ксения замерла, как кролик перед удавом, и только громкий вопль продолжал вырываться изо рта, а затем брызнул на белоснежный снег кроваво-красными каплями.

Глава 1

6 февраля 2017 года, 14.50

ресторан «Базилик»

г. Москва

Всех людей, обращающихся за помощью в Институт исследования необъяснимого, Войтех Дворжак делил на две большие категории. Первые присылали заявки по почте: электронной или обычной. Некоторые во всех нужных и ненужных подробностях описывали произошедшее, другие ограничивались сухими фразами, отражающими лишь самое необходимое. Таких людей было процентов девяносто пять, что вполне объяснимо: Россия – страна большая, и письма порой приходили из таких мест, о которых не слышал даже до неприличия образованный Нев. Приходилось открывать карту и искать.

Иногда писали те, кто находился в одном городе с Институтом. Это Войтех объяснял не столько занятостью и невозможностью приехать лично, сколько тем, что далеко не каждый человек может вслух рассказать, что столкнулся с тем, чему не нашел объяснений. Зато писать о таких вещах обычно намного проще.

Людей из первой категории Войтех любил, поскольку, хоть заявок и было много, он мог легко отсеять те, которые наверняка не требуют помощи Института. Сложнее обстояло со второй категорией. С теми, кто обращался лично. И здесь Войтех тоже делил их на две подгруппы. Первые приходили или приезжали в Институт, иногда предварительно позвонив, иногда сваливаясь как снег на голову и требуя у Лидии, сидящей на ресепшн, самого компетентного сотрудника. А вот вторые...

Вторых Войтех не любил больше всех остальных. Они не приезжали, а просили – и чаще всего их просьбы походили на приказы – приехать к ним. Обычно это были достаточно богатые и влиятельные люди, относящиеся ко всем вокруг исключительно как к обслуживающему персоналу. У них всегда было много требований, много условий, большое желание быть в курсе всех деталей расследования и получать в конце максимально подробный отчет. И еще везло, если просто хотели знать подробности, а не лезли со своими советами и идеями. Хотя чаще всего лезли. Но именно эти люди щедро платили за работу, а Институт – коммерческая организация, поэтому Войтех никогда им не отказывал.

Вот и сегодня, сцепив зубы и заранее спрятавшись за маской невозмутимости, он приехал полуденным Сапсаном в Москву, чтобы встретиться с подобным заказчиком.

Николай Александрович Мамонтов позвонил сегодня утром. Не на один из телефонов Института, а лично Войтеху. Не то чтобы его номер был тайной за семью печатями, но на сайте не висел. Впрочем, Мамонтов не стал скрывать, что телефон ему подсказали общие знакомые. И Войтех был уверен, что знакомые эти – не Сидоровы, Нев или Долгов с Дементьевым. Подозревал идейного основателя и покровителя ИИН – депутата Эдуарда Александровича Ляшина. Мамонтов пригласил Войтеха на обед в достаточно дорогой ресторан, что было еще одним подтверждением теории о хорошем финансовом положении заказчика и его знакомстве с Ляшиным.

В Москве Войтех прожил десять лет, и, хоть он уже почти два года обитал в Санкт-Петербурге, город продолжал оставаться для него в некотором роде родным и хорошо знакомым. Он всегда тайно радовался, когда удавалось сюда приехать. Даже если на улице метет страшная метель, а столбик термометра днем не поднимается выше 10° . Вещей с собой у него не было, он собирался вернуться домой этим же вечером, а потому сразу с вокзала направился в ресторан.

Его уже ждали. Улыбчивая, невероятно красивая и длинноногая хостес отвела к столику, за которым сидели приземистый мужчина с залысинами и молодой парень лет шестнадцати. Последний хоть и был выше спутника на целую голову и меньше килограммов на пятьдесят, а все же удивительно походил на него. Войтех сразу догадался, что это отец и сын. Оба приподнялись, здороваясь с ним, что немного смягчило градус напряженности: Мамонтов строить из себя

хозяина жизни не собирался.

– Это мой сын Артем, – представил он парня. – Поскольку дело касается и его в том числе, я счел возможным его присутствие при нашем разговоре.

Войтех кивнул, давая понять, что не имеет ничего против, сел на свободный стул и заказал официантке только чашку американо.

– Пообедайте, я угощаю, – предложил Мамонтов. – Это хороший ресторан, здесь прекрасный шеф-повар. Мой старый знакомый, а потому для меня и моих гостей готовит лично.

– Спасибо, но я не голоден, – вежливо отказался Войтех.

– Вы только с поезда, насколько я понимаю.

– И тем не менее. Давайте лучше перейдем к делу.

Мамонтов не стал уговаривать. К делу так к делу. Войтеху нравились такие люди.

– Мой сын учится в школе-пансионате в Московской области. Школа небольшая, всего триста пятьдесят человек вместе с персоналом. И дети, и преподаватели, и персонал живут там же. Школа находится в лесу, к ней ходит только один автобус, ближайшая деревня в десяти километрах, если по дороге. То есть все достаточно изолированно. Недавно, на прошлой неделе, там убили ученицу. Перерезали горло ночью в лесу. А сегодня ночью нашли еще одну. Тоже с перерезанным горлом. Первая училась в классе Артема, вторая на год младше. У меня есть подозрения, что в скором времени убьют еще одну. И я хотел бы, чтобы ваша организация разобралась с этим делом и нашла убийцу раньше, чем это произойдет.

Войтех чуть удивленно приподнял брови и спросил:

– Почему вы так думаете? Убийца оставил какое-то послание?

– Нет, никаких посланий. Но такие убийства уже происходили. Тридцать лет назад, когда я учился в той школе. Тогда убили трех девушек таким же способом, и на этом убийства прекратились. А сейчас история повторяется.

Войтех медленно помешал кофе, хотя пил его без сахара, тем самым выигрывая несколько секунд на размышления.

– Почему вы думаете, что здесь есть место сверхъестественному? – наконец спросил он.

Мамонтов тоже немного помолчал, но ни за какими лишними действиями свои раздумья не скрывал. Просто смотрел чуть в сторону, подбирая слова, хотя Войтех был уверен, что прежде, чем выйти на него, этот человек уже тщательно все обдумал и взвесил.

– Я не знаю наверняка. Но если это обычные убийства, то их раскроет полиция, следственная группа уже работает. А если же нечто другое, то я хочу привлечь к расследованию тех, чье мышление не ограничено учебниками по криминалистике, чьи знания распространяются далеко за пределы обыденного. Видите ли, с прошлых убийств прошло ровно тридцать лет. Они произошли в феврале восемьдесят седьмого года. Это уже кажется странным. Но есть и еще кое-что, – Мамонтов осекся, но Войтех не стал торопить его, давая время собраться и произнести вслух то, что обычно люди стараются отсекают. – Тридцать лет назад одной из жертв стала моя старшая сестра. С ее убийства все и началось. В школе есть легенда о Черной Даме. Это колдунья, которая когда-то жила неподалеку и была зверски убита своими дочерьми. С тех пор каждую зиму она бродит по окрестностям, ищет своих убийц. И если ей на пути попадается девушка, принимает ее за дочь и убивает. Я не знаю, насколько правдива эта легенда, и хочу, чтобы вы ее проверили.

Войтех перевел взгляд на Артема, как бы ожидая подтверждения, и тот кивнул. Такие легенды действительно по школе ходят.

– Расскажите чуть подробнее о том, что помните о прошлых убийствах, – попросил Войтех, снова повернувшись к старшему Мамонтову.

– А вот это третья странность. Мне было почти пятнадцать. В таком возрасте люди обычно уже хорошо себя помнят. И я действительно хорошо помню все

до и после убийств. Но вот тот период – примерно две недели – ощущаются как сон. Я помню только обрывочные детали. Помню, что находили мертвых девушек, одну из них совершенно точно нашел наш класс во время прогулки по лесу, но я не помню, как она выглядела. Не помню, как шло расследование и чем закончилось. Не помню похорон сестры. Читаю материалы уголовного дела, и мне кажется, что это происходило не со мной. Кто-то словно тщательно подтер ластиком то время в моей памяти.

– Возможно, ваш мозг таким образом просто защищается от воспоминаний? – осторожно предположил Войтех. – Так бывает, когда воспоминания слишком травматичны.

– Возможно, – не стал спорить Мамонтов. – А возможно, что-то другое. И я хочу, чтобы вы это выяснили.

– А как насчет гипноза? В нашем штате есть хороший гипнолог, она могла бы поработать с вашей памятью. Подобный опыт у нее есть.

Мамонтов уверенно качнул головой.

– Я не хочу позволять кому-то копаться в моей голове. По крайней мере, пока не возникнет крайняя необходимость.

Как будто смерть двух девочек еще не крайняя необходимость. Однако Войтех оставил колкость при себе. Хозяин, как говорят у русских, – барин. В ходе расследования станет ясно, нужно ли настаивать на сеансе гипноза.

– Расскажите немного про школу, – попросил он. – Какие дети там учатся? Не мог кто-то из них, скажем так, узнать про убийства тридцатилетней давности и решить их повторить?

В глазах Мамонтова-младшего вспыхнул огонек, но Мамонтов-старший легко поднял руку, останавливая возражения сына, и ответил спокойно:

– Я не могу ни в чем быть до конца уверенным. Это, конечно, не школа для малолетних преступников, обучение и проживание там стоят достаточно дорого. Моя жена, мать Артема, умерла, когда ему было три года. Дедушек

и бабушек у нас нет, а у меня бизнес вне России в том числе, я часто уезжаю. Поэтому он живет и учится там. И многие дети в школе в схожей ситуации. Но даже среди самых богатых и обеспеченных встречаются преступники, сами знаете. Плюс преподаватели и обслуживающий персонал.

– Нет среди нас преступников, – проворчал Артем, нарочито глядя в сторону. – Это не кто-то из наших.

– Ты не можешь быть в этом уверен на сто процентов, Артем, – возразил Мамонтов, вытаскивая из портфеля, стоящего на соседнем стуле, ручку. Что-то быстро написал на салфетке и подвинул ее Войтеху. – Это то, что поступит на счет вашего Института уже вечером, если вы возьметесь за расследование. На организацию, так сказать. Если найдете убийцу, я заплачу еще столько же.

На лице Войтеха не дрогнул ни один мускул, хотя цифры на салфетке его впечатлили. Даже аванс с лихвой окупал и расследование, и зарплаты сотрудникам, еще одна такая сумма существенно повысит благосостояние Института. Отказываться от такого дела было бы по крайней мере безответственно, даже если бы он ничего не почувствовал, но интуиция подсказывала, что за убийствами девочек может стоять нечто необычное. Может быть, и не призрак колдуньи, ищущей своих дочерей, но нечто, до чего полиция додумается не сразу, а когда додумается, все равно не поверит.

– Если мы возьмемся за расследование, нам лучше работать под прикрытием, – заметил он. – Изобразить из себя работников пансионата, например. Чтобы о нас не знали ни ученики, ни преподаватели. Потому что если убийца среди них, наше появление может спугнуть его. Готовя преступление, маньяки учитывают вовлеченность полиции, а вот расследование других организаций может нарушить их планы, заставить затаиться. Да и полиция не всегда прыгает от счастья, когда мы официально путаемся под ногами. Мы, конечно, поставим их в известность о своем расследовании, но сами, когда сочтем нужным. Есть такая возможность?

– Думаю, найдем, – кивнул Мамонтов. – Насколько мне известно, недавно уволился врач. Так что если у вас в штате есть человек с медицинским образованием, я смогу его устроить. Думаю, еще несколько вакансий найдем или придумаем. Я один из учредителей школы, меня послушают.

– А у нас как раз учителей биологии и физкультуры нет, – подсказал Артем. – Степан Антонович заболел, а Антонина Кирилловна с ним уехала.

– Они супруги, – пояснил Войтеху Мамонтов. – И уже очень преклонного возраста.

– В таком случае, думаю, троих будет достаточно, – согласился Войтех. – Чем меньше людей в пансионате будут о нас знать, тем лучше.

– Только директор, – заверил Мамонтов. – От него, к сожалению, скрыть не получится, поскольку он лично утверждает всех работников. Другой порядок вызовет подозрения. Значит ли это, что вы беретесь за расследование?

– Не вижу причин его не взять.

– Что ж, – Мамонтов довольно улыбнулся, хоть и попытался это скрыть. Снова открыл портфель и вытащил две тонкие папки. – Вот здесь материалы уголовных дел. И того, что ведется сейчас, и тех, что проводились тридцать лет назад. Если будет нужна еще какая-то помощь, обращайтесь. Я постараюсь раздобыть все, что вам будет нужно.

Войтех взял папки, втайне опасаясь получить видение, но тонкие матерчатые перчатки надежно защищали от них. Помогли и в этот раз. Он лишь почувствовал, что не ошибся в своих предположениях: дело действительно стоящее, в нем замешано нечто, представляющее интерес для Института исследований необъяснимого, но видений не последовало. Что ж, это к лучшему. Было бы неловко упасть в обморок в дорогом ресторане.

?

До вечера Войтех решил в Москве еще несколько дел Института и успел на восьмичасовой Сапсан в Санкт-Петербург. Володя Дементьев, гостивший в этот момент у Ольги, звал его на ужин, однако Войтех вежливо, но решительно отказался. Ольга живет за городом, и после ужина он не успеет даже на последний Сапсан, а вернуться в Петербург необходимо сегодня, чтобы успеть подготовить расследование. Сначала он вообще хотел позвонить Лидии и попросить предупредить всех остальных на срочное совещание, но отбросил эту

мысль как совсем неподобающую. Он приедет почти в одиннадцать, пока доберется до Института, будет уже полночь. Все сотрудники, конечно, готовы к ненормированному рабочему дню, но не следует злоупотреблять. Войтеху уже доводилось слышать жалобы того же Дементьева Ивану Сидорову, что он, после того как расстался с Сашей, «совсем озверел и завалил всех работой». Не то чтобы его так уж волновали эти жалобы, но провести совещание они могут и рано утром, а затем быстро собраться в командировку. Работа под прикрытием не предполагает установку камер слежения и прочего оборудования, которое пришлось бы долго собирать, хотя и оно всегда находится в боевой готовности. Чемоданы обычно у каждого собраны заранее. А вот сам он в Институт, пожалуй, сегодня еще заедет.

Войтех нашел съемную квартиру совсем рядом с Институтом, буквально на соседней улице, поэтому частенько задерживался уже даже не допоздна. Допоздна он оставался в офисе, еще когда жил с Сашей; теперь, бывало, сидел едва ли не до рассвета, забегая домой только принять душ и вздремнуть несколько часов.

Мысли с расследования быстро и плавно, как скоростной поезд, свернули на Сашу. После их расставания она взяла отпуск. Войтех не сопротивлялся, понимал, что ей нужно время. Время, чтобы не видеть его. Поэтому отпустил без лишних уговоров. В глубине души боялся, что она вообще уйдет из Института. Знал, что она скучает по работе в больнице, мама постоянно зовет в свою клинику, отец крайне недоволен тем, что она променяла практику на работу в ИИН. И боялся, что сомнения и давление со стороны родственников упадут на благодатную почву. Единственное, чего он не знал: что будет делать в таком случае.

Порой думал, что не станет ее держать. Если она захочет уйти, он попросит Анну подписать заявление в тот же день. Но стоило представить это, как понимал, что не отпустит. Пусть они расстались, пусть она видеть его не хочет, но он скучал по ней так отчаянно, как, наверное, не скучал даже тогда, когда они жили в разных городах и встречались только на расследованиях несколько раз в год. Тогда он знал, что она не его, он не имеет права ни на какие чувства к ней. Сейчас она снова была не его, и он сам в этом виноват, но теперь знал, как было по-другому. И, пожалуй, если она все-таки принесет заявление, ему придется с ней объясниться и найти какие-то слова, которые заставят ее остаться.

Саша не ушла, вернулась перед самым Новым годом. Теперь Войтех старался как можно чаще уезжать в командировки, чтобы не мозолить ей глаза. Он отдавал себе отчет, что сам виноват в их ссоре, несмотря на то, что технически Саша его прогнала. Она хотела услышать от него вовсе не то, что он тогда сказал. А потому растерялась и повела себя наверняка не так, как собиралась. Впрочем, откуда ему знать, как она собиралась? Саша была одним из немногих людей, кто оставался для него закрытой книгой, несмотря на несколько лет отношений.

Учителя биологии, физкультуры и врач. Биологию Войтех преподавал в колледже, когда ушел из отряда космонавтов. Терпеть не мог ту работу, но сейчас навыки пригодятся. На учителя физкультуры вполне подойдет Иван Сидоров. Высокий, крепкий, спортивный. Один его вид уже говорит о том, что он прекрасный спортсмен. В школе вопросов возникнуть не должно. И врач. В Институте два врача: Константин Долгов и Саша. И Войтеху страшно хотелось взять с собой Сашу. Он избегал ее как мог, не навязывал свое общество, но сейчас, когда дело того требовало, вполне логично взять ее. Дескать, он ни при чем, работа требует. Тем более может понадобиться вмешательство гипнолога, а Костя Долгов не так давно был тяжело ранен, много времени провел на больничной койке.

Нет. Войтех даже головой покачал отражению в темном окне поезда. Не стоит поддаваться эмоциям, следует взять Костю. Тот уже вполне оправился, даже ездил на небольшое расследование в Гатчину. В пансионате работа будет непыльная, спать на земле или много ходить не придется. Костя справится. А если потребуются гипнолог, тогда уж и привлечет Сашу. Мамонтов живет в Москве, ей будет проще добраться до него из Санкт-Петербурга, чем из леса, куда ходит один автобус.

Войтех сел прямее и уже собрался вытащить из сумки ноутбук, чтобы не терять время и начать готовить новое расследование, но звонок телефона отвлек его. Звонил, как ни странно, его старший брат. Как ни странно, потому что Карел делал это крайне редко. Настолько редко, что Войтех не мог вспомнить, когда такое случалось в последний раз. Пожалуй, полгода назад, когда он звал их в маленькую чешскую деревушку, расследовать необычную смерть местного жителя. Да, Карел если и звонил, то только по делу. По не-делу он всегда ждал звонков сам.

– Привет, братишка! – Он поздоровался весело, но Войтех сразу понял, что звонит он не просто так поболтать. И не по делу. – Что это ты не звонишь, не пишешь?

– Когда это я звонил и писал часто? – удивился Войтех.

– Что у тебя нового? – Карел зашел с другой стороны.

– Работаю, как всегда.

– Ты к маме на день рождения приедешь?

Не «вы», а «ты». Карел действительно позвонил не просто так.

Войтех не ездил к маме на день рождения все двенадцать лет, что жил в России. Всегда посылал ей цветы, за исключением тех нескольких лет, что не общался с семьей, иногда – подарки, если внезапно находил что-то необычное, что маме наверняка понравится, но в гости не ездил. Мартина Дворжакова не была любительницей устраивать праздники по поводу и без. Рождество в семье Дворжаков, как и в подавляющем большинстве чешских семей, праздновалось неукоснительно, остальные даты – по желанию хозяйки что-либо устраивать. О чем Войтех холодно и сообщил брату.

– Просто раньше вы на Рождество приезжали, а в этом году кинули меня одного, – обиженно заметил Карел. – Мама, кстати, была очень расстроена. Вот я и подумал, что ты поимеешь совесть и приедешь к ней на день рождения.

На Рождество Войтех не поехал, потому что последние годы ездил с Сашей. И если бы приехал один, у родителей, само собой, возникли бы вопросы. А он тогда не был готов на них отвечать. Он и сейчас не был готов, но понимал, что избежать получится лишь в одном случае: если прямо сейчас отключит телефон. Потому что даже если просто повесит трубку, Карела это не остановит. Он перезвонит еще раз.

– У меня было много дел на Рождество, не смог вырваться, – соврал Войтех. Впрочем, по многозначительному молчанию Карела понял, что соврал не очень убедительно.

– А сейчас?

– А сейчас тоже много дел.

– Войта, можешь не юлить, – наконец заявил Карел. – Я разговаривал с Сашей, знаю, что вы расстались.

– Не знал, что вы с Сашей созваниваетесь, – заметил Войтех.

– Мы друзья, а друзья иногда созваниваются. Не переводи разговор, я с тобой давно знаком, знаю все твои уловки.

Войтех вздохнул. Карел слишком хорошо знал его, с ним такой номер не пройдет, глупо было надеяться. Он не помнил, чтобы Карел и Саша когда-то созванивались, и сильно сомневался, что Саша позвонила первой. Только не Саша. Она не станет жаловаться на него. Скорее, Карел, удивленный тем, что они не приехали на Рождество, набрал ей. Знал, что от Войтеха ничего не добьется. А то, может, и заподозрил что-то. Его брат всегда обладал хорошей интуицией, ему для этого не нужны были никакие экстрасенсорные способности.

– Если знаешь, зачем спрашиваешь? – проворчал Войтех. – Да, я не приехал на Рождество именно поэтому. Мама начала бы задавать вопросы, а потом расстроилась бы.

– А теперь она, по-твоему, не расстроится? – фыркнул Карел. – Ты сломал ее последние надежды хоть на одного нормального сына и внуков. – И, не давая ему ничего сказать, продолжил: – Так, поскольку с Сашей я совершенно точно не спал, умираю от любопытства: что же у вас случилось?

Рассказывать Войтеху не хотелось. Ни о том, что стало поводом для их с Сашей ссоры, ни о том, что на самом деле являлось причиной, хотя об опухоли Карел узнал когда-то первым. А вот сейчас почему-то говорить не хотелось. На сухие факты о том, что Войтех просто приревновал ее к Максиму, а Саша обиделась и выгнала его, Карел не купится.

– Долго рассказывать, – выкрутился Войтех. – Я в поезде, люди вокруг.

– И, конечно, все вокруг понимают по-чешски, – снова хмыкнул Карел. – Ладно, я понял, на мамин день рождения тебя не ждать. Но, Войта, если ты действительно не хочешь огорчать ее новостью о разрыве с Сашей, лучше уладь ваши отношения. Не хочешь улаживать, будь мужиком, не бегай от мамы, скажи как есть. Кстати, если не хочешь огорчать меня, то тоже лучше помирись, потому что Саша – единственная женщина, с которой мне не хотелось тебя поссорить. Мне серьезно лень привыкать к новой.

Войтех обтекаемо обещал подумать и в ближайшее время что-то решить. Разговор с братом снова всколыхнул чувства, поэтому работать он не стал. Закрыв ноутбук и спрятал его в сумку. Эмоции пришлось прятать дольше. И даже дольше, чем в первый раз.

Мир за окном давно погрузился в мрачную февральскую темноту. Мелькали сплошь леса и поля, редкие деревни проскакивали так быстро, что были только всполохами далекого света, скорее раздражающими, чем что-то освещающими. Но в один из таких всполохов в окне внезапно что-то мелькнуло. Войтех увидел лишь очертания, разглядеть не успел. Дернулся скорее по привычке, думая, что поймал видение, однако за вспышкой не последовало ни вязкого привкуса ощущений, ни разливающейся по черепной коробке головной боли. Значит, не видение. Что-то другое.

Снова деревня, снова короткая вспышка света, снова фигура, которую он не успел разглядеть. Войтех сел прямее, быстро провел ладонью по лицу, сбрасывая сонливость. К новой деревне и новой вспышке света он был готов. Фигура мелькнула, и он успел рассмотреть длинное черное платье в пол, темные волосы, рассыпанные по плечам. Вспышка погасла, новых не последовало. Очевидно, они въехали в какую-то зону, где деревень не было. И сколько он ни закрывал глаза, сколько ни вызывал в памяти тот образ, никаких деталей рассмотреть больше не смог.

Войтех так и не пришел к мнению, что это было: видение или галлюцинация. Поезд замедлил ход и въехал в освещенную зону, остановился в Твери. Вечером в понедельник людей на перроне было немного, в вагон первого класса и вовсе никто не вошел. Войтех снова потянулся к ноутбуку, а потому не увидел, что ударилось в окно прямо напротив его лица. Когда обернулся, разглядел только кровавое пятно, стекающее по ту сторону стекла. На перроне в предсмертных судорогах бился большой черный ворон, и если бы Войтех верил в знаки, этот определенно показался бы ему не очень хорошим.

Глава 2

7 февраля 2017 года, 16.50

Московская область

В маленьком автобусе было душно и холодно одновременно. Водитель, никак не отделенный от пассажиров, натопил салон так, что стало нечем дышать, зато из каких-то щелей снизу задувал ледяной февральский ветер, пробирался в теплые зимние ботинки и с упорством злой собачонки кусал за ноги. Саша поджимала пальцы и то и дело мелко постукивала носками по полу, но это почти не спасало. Ноги онемели, и она всерьез опасалась, что пальцы к утру почернеют и отвалятся. И это в теплых дорогих ботинках!

Командировка стала для нее неожиданностью. Точнее, не сама командировка, а ее состав: она, Ваня и Войтех. После того, как они расстались (а Саша уже даже в мыслях не называла это ссорой, ссорой оно было первый месяц, теперь же стало очевидным расставанием), Войтех всячески избегал ее, не брал на расследования, даже на совещания звал исключительно на те, где было необходимо ее присутствие. Это до крайности ее обижало, ведь сказанное в пылу ссоры было чистой правдой. Она на самом деле не могла дать гарантий, что никогда не влюбится в другого. Экстрасенсом в их паре был он, она предвидеть будущее не умела. И тем не менее Войтех вел себя так, будто она смертельно оскорбила его и он не хочет иметь с ней ничего общего. Саша гордо сжала зубы и выяснять отношения не стала. Благо, они теперь не маленькая группа энтузиастов, а в официальной организации можно работать, не пересекаясь друг с другом.

Войтех и в эту командировку взял бы Костю Долгова, а не ее, но одновременно появилось дело, требующее присутствия именно диагноста, а не анестезиолога. И послать на него Сашу вместо Кости было бы верхом непрофессионализма. А Войтех всегда умел ставить дело выше чувств, этого у него не отнять.

Автобус подпрыгнул на очередной кочке, коих здесь было выше крыши, скрипнул старыми железяками, высоко подбросил немногочисленных

пассажиров. Ваня выругался сквозь клацнувшие зубы и недобро посмотрел на Войтеха.

– Какого черта мы тащимся в этой колымаге? Приличную машину напрокат нельзя было взять? Я видел, сколько денег нам отстегнул Мамонтов, не разорились бы.

– Нечего лазить по счетам Института, – невозмутимо заметил Войтех, но Ваня, конечно же, только многозначительно хмыкнул. Можно подумать, его когда-то что-то останавливало. – Если бы мы приехали на одной машине, все сразу поняли бы, что мы знакомы друг с другом. А мы, я напоминаю, работаем под прикрытием.

– Ну, я бы высадил вас метров за сто до пансионата, пешком дошли бы.

– Обойдешься, – без тени улыбки заявил Войтех. – Тебе полезно иногда выйти в народ, проехаться на общественном транспорте, а то скоро совсем связь с реальностью потеряешь.

– Правительству можно, а мне нельзя? – хохотнул Ваня.

– Ладно, давайте к делу. – Войтех осмотрел салон, убеждаясь, что никто из пассажиров не услышит их разговор: все сидели впереди, ближе к водителю, в то время как сотрудники Института заняли последние сиденья, – и вытащил из спортивной сумки тонкую папку.

Материалы будущего расследования, предоставленные Мамонтовым, они уже успели изучить в Сапсане по дороге из Санкт-Петербурга в Москву. Саша ознакомилась с заключениями судмедэксперта, Войтех читал полицейские отчеты, Ваня искал в сети информацию о школе-пансионате и легенду про Черную Даму. А теперь им предстояло свести детали воедино и провести небольшое вводное совещание в полевых условиях.

– Первая наша жертва – София Грабаренко, шестнадцать лет, – тихонько начал Войтех. – Ее родители владеют салоном красоты в Самаре.

– В Самаре? – переспросила Саша. – Далеко отправили дочь.

– Как я понял, София уже лет десять жила у бабушки в Подмоскowie, сначала училась в обычной школе, а потом родители перевели ее в пансионат. Причин не знаю.

– Может, хотели для нее хорошего образования, – вставил Ваня. – У нас же все московское считается хорошим. А может просто сплывили из дому.

Войтех кивнул.

– Она училась в одном классе с Артемом Мамонтовым, он характеризует ее как редкостную оторву. Курила, грубила учителям, училась средне.

– Тогда я ставлю на второе, – снова прокомментировал Ваня. – Сплывили.

– Утром первого февраля София не пришла ни к завтраку, ни на первый урок, – продолжил Войтех. – Обычно в комнате живут по два человека, но ее соседка за несколько дней до этого заболела пневмонией и уехала домой, поэтому когда именно она исчезла, никто не знает. Обыск школы результатов не дал. Тогда несколько учителей и парней из старших классов, в том числе Артем Мамонтов, отправились на поиски. Пансионат со всех сторон окружен лесом, подумали, может быть, заблудилась. Нашли примерно в километре от школы. Она лежала на земле, тепло одетая, будто вышла на прогулку. Снег вокруг залит кровью, горло перерезано.

Войтех вытащил из папки распечатанную на листе бумаги фотографию и протянул Ване.

– По заключению судмедэксперта она умерла от потери крови, если я правильно понял.

– Все верно, – подтвердила Саша. – Разрез очень глубокий, задеты обе артерии, у девочки не было шансов. Убийца напал сзади. Интересный факт: он левша, разрез идет справа налево. Выше жертвы, а у нее рост 174 см, тоже немаленькая.

– Ну так мужчины чаще всего выше этого роста, – хмыкнул Ваня, а потом покосился на Войтеха, – извини, Дворжак, но обычно так и есть.

Войтех проигнорировал укол в свой адрес.

– Вторую жертву нашли ровно через пять дней, – сказал он, вытащив из папки распечатанную фотографию улыбающейся девушки. – Валерия Аносова, пятнадцать лет. Артем с ней знаком не так близко, она на год младше, но отзывается хорошо. Сказал, что девочка ходила в отличницах, была довольно тихой и скромной. Ее отец погиб, когда она была совсем маленькой, мать – довольно успешная переводчица, несколько лет назад вышла замуж за итальянца и уехала в Рим, а Валерия уезжать отказалась, поэтому она училась в пансионате.

– С ней все то же самое, – добавила Саша, когда Войтех замолчал и посмотрел на нее. – Глубокий разрез на шее справа налево, смерть наступила в результате обширной кровопотери около трех часов ночи.

– Значит, у нас две смерти с разницей в пять дней, – подвел итог Ваня. – Немного нам времени товарищ убийца оставляет.

– Не факт, что третье будет тоже через пять, – возразила Саша.

– Будет, – поддержал Ваню Войтех, вытаскивая из рюкзака вторую папку. – Я изучил сведения по убийствам тридцатилетней давности. Там немного, но важное есть: все три убийства произошли с разницей в пять дней.

– Хреновая новость, – покачал головой Ваня.

– Особенно если учесть, что два уже почти прошло, у нас осталось три. Ты нашел что-нибудь про сам пансионат?

Автобус подъехал к остановке, и им пришлось прерваться, поскольку в салоне началось активное движение. Два человека вышли, зато зашли около десятка. И если большая часть села спереди, то одна женщина с двумя огромными сумками примостилась аккуратно перед Ваней. Причем села вполоборота, явно намереваясь слушать, о чем они будут говорить. Исследователи переглянулись. На Ванином лице отчетливо читалось: «А я говорил, надо было брать машину напрокат».

Он взглянул на Сашу с немым вопросом, и та коротко кивнула. Войтех лишь перевел недоуменный взгляд с одного на вторую, не понимая, что они задумали. Ваня подмигнул ему, а затем приложил руки к груди и зашелся в приступе лающего кашля.

- Прикройся! - змеей зашипела Саша, исподтишка оглядываясь по сторонам, проверяя, привлек ли он чье-нибудь внимание. Той, кого нужно, привлек. - Не хватало только, чтобы ты своими бациллами кого-нибудь заразил!

Ваня еще несколько секунд кашлял, а потом тихо и жалобно простонал:

- Я не виноват, не могу его сдерживать!

- А я тебя предупреждала, что будет, если ты сбежишь из больницы, - все тем же громким шепотом отчитала его Саша. - Тубдиспансер - не то место, откуда надо сбегать!

Женщина резко вскинула голову и покосилась на них.

- Тем более с открытой формой туберкулеза! - добила Саша. - А ну как поймают тебя?

- Да не поймают, я буду тихо сидеть, - заверил Ваня. - Ну не могу я там, кормят гадостью, зато таблетки горстями пить заставляют! Десять штук за раз! Кто такое выдержит? Я их под подушку прятал, так нашли же...

Женщина шумно поднялась с места, схватила тяжелые баулы с такой легкостью, будто они были невесомыми, и, задев сидящих у прохода пассажиров, почти бегом кинулась к свободному месту впереди.

Саша вздохнула, а Ваня расплылся в довольной улыбке.

- В аду для вас приготовлен отдельный котел, - покачал головой Войтех, пряча усмешку за строгостью.

- Зато компания хорошая! - Ваня улыбнулся еще шире и приобнял Сашу за плечи.

Войтех задержал на ней взгляд буквально на мгновение. Ничего не сказал, не спросил, как они умудрились так споро договориться. На самом деле они проворачивали этот номер уже второй раз, первый случился несколько недель назад, когда вдвоем ездили в Карелию на одно крохотное дельце, которое разрешилось легко и безболезненно. Но в поезде к ним точно так же подсел любопытный мужичок, от которого пришлось избавляться хитростью. Ничего этого Войтех не знал и не спросил, поторопился вернуться к делу, хотя ехать им предстояло еще не меньше получаса.

- Так что с пансионатом? - напомнил Войтех.

- С пансионатом, с пансионатом, - пропел Ваня, выпуская Сашу из объятий. - С пансионатом прикольная штука. Школой для богатеньких детишек он стал совсем недавно, а до этого был интернатом для трудных подростков. Открылся тридцать пять лет назад, набирали туда тех детей, с кем родители не могли справиться. Либо кого по возрасту нельзя было привлечь к ответственности за какое-то правонарушение, либо кто еще не допрыгался до чего-то серьезного, но уже был на пути к этому, если его не изолировать. Вот сюда и изолировали. Так что гражданин Мамонтов пусть не заливаает, как тут все было шикарно. В его время это была закрытая школа для хулиганов. Уже только в начале двухтысячных ее выкупил некий Павел Скарытин и сделал из нее приличное место. В пансионат вложился не только он, но и еще несколько людей, имеющих детей подходящего возраста. Мамонтов в том числе. Артем - его второй ребенок, до этого в школе училась дочь Елизавета. Так что, держу пари, убийства тридцатилетней давности и не расследовали нормально, чего еще ждать от практически колонии для малолетних?

Войтех немного подумал, а затем кивнул.

- Тогда нужно копнуть те убийства несколько глубже простых официальных отчетов, вдруг узнаем что-то интересное. Попрошу Володю найти нам какие-нибудь контакты. В делах, предоставленных Мамонтовым, преступно мало подробностей.

- Дементьев же у тебя недельный отпуск взял, - напомнил Ваня.

- От пары звонков у него не убудет, - пожал плечами Войтех. - Я же его не на работу вызываю. Уверен, Ольга периодически работает над очередной

книгой во время их отпуска, может поработать и он. Что с легендой о Черной Даме?

- А вот тут какая-то фигня, - вздохнул Ваня. - Действительно, такая легенда есть. Все, как ты и говорил: старую колдунью убили собственные дочери, и с тех пор каждую зиму она выходит на поиски своих убийц. Ареал обитания в рассказах и упоминаниях немного разнится: то в лесу возле пансионата, то чуть дальше, то вообще в другом конце Московской области. Но! - Ваня многозначительно поднял палец. - Легенда появилась в перестроечные времена. Раньше о ней никто не слышал, что немного странно, если учесть, будто все произошло около двухсот лет назад.

- В перестроечные времена вообще много всякого повылезало, - хмыкнула Саша. - Люди, заряжающие воду перед телевизором, запросто могли начать списывать убийства молодых девушек на призрака.

- Или же пал гриф «Секретно» с какой-нибудь папки, - возразил Войтех.

- Не, - Ваня покачал головой, - слишком малого полета птица для такой папки. Ставлю на то, что легенду в то время только придумали. Может, как раз в пансионате, чтобы объяснить смерти девушек. Убийцу-то так и не нашли.

Войтех не стал спорить. Спрятал папки обратно в рюкзак и посмотрел на коллег.

- Итак, какие будут версии происходящего, кроме Черной Дамы?

- Ну, самая первая и самая банальная: тридцать лет назад убивал кто-то, кого не поймали, - предположил Ваня. - А сейчас вернулся и снова убивает.

- Почему тогда было всего три убийства? - возразила Саша. - И почему вернулся именно сейчас, спустя тридцать лет?

- Может, тогда все-таки поймали? - отыграл назад Ваня. - Не за убийства, а за что-то другое. В тюрьме шатался все это время, а сейчас вот вернулся и взялся за старое.

– Версия слабоватая, – согласился с Сашей Войтех, – но отбрасывать не станем. Меня смущает срок ровно в тридцать лет. Думаю, кое-что прояснится, когда узнаем подробности прошлых убийств. Еще?

– Секта, – высказалась Саша. – Потому и убийств было всего три, и разница между ними ровно пять дней. Проводили какой-то ритуал. Ритуалы, как известно, почти всегда сопровождаются реками крови, и перерезанные горла сюда укладываются как нельзя лучше.

– В принципе, повторения через тридцать лет тоже, – снова согласился Войтех, что было весьма необычно: когда-то они умудрялись расходиться во мнениях даже в самых крохотных мелочах. – В ритуалах всегда важна последовательность, а в сектах все держится на ритуалах. Попробуем узнать об этом поподробнее. Еще?

– Ну уж нет! – Ваня сложил руки на груди и хмуро уставился на Войтеха. – Я свою версию выдвинул, Санек свою тоже. Теперь твоя очередь.

Войтех задумчиво посмотрел в окно, и Саше вдруг показалось, что версия у него есть, но высказывать он ее почему-то не хочет. Тем не менее высказал:

– Одной из девушек, погибших тридцать лет назад, стала Ксения Мамонтова, старшая сестра заказчика. Сначала я не придавал этому значения, решил, что в этом интерес Мамонтова к расследованию. Хочет найти убийцу сестры. Но сейчас думаю: первая серия убийств произошла, когда там учился отец, вторая началась, когда учится сын. Нет ли тут какой-то связи?

– Думаешь, они маньяки? – потер подбородок Ваня. – Сначала батя девок порешил, теперь сынуля за его ремесло взялся?

– Честно говоря, я думаю не совсем так, – признался Войтех. – Маловероятно, что два человека, пусть даже кровные родственники, убивают абсолютно одинаково. Я скорее склоняюсь к тому, что на них может лежать нечто вроде проклятия и печати смерти.

– Слишком уж странный способ убийства для проклятия, – покачала головой Саша.

– И все-таки эту версию следует рассматривать наравне с остальными. Иван, найди нам информацию о семействе Мамонтовых, вдруг шлейф смертей тянется за ними не только в пансионате. Меня смущает, что Мамонтов плохо помнит убийства.

– Так может, он все-таки убийца? – настаивал на своем Ваня. – Может, им владела какая-то демоническая сущность, которая теперь переселилась в сына. Отсюда и нетипичный для проклятия способ убийств.

Войтех согласился:

– Хорошая версия.

Автобус снова тряхнуло на кочке, Ваня опять выругался. Они успели обсудить еще кое-какие детали, касающиеся будущей работы под прикрытием, когда автобус наконец довез до нужной остановки.

Пансионат находился в стороне от основных дорог, был окружен вековым лесом, в это время года укрытым белым снежным покрывалом. Автобус специально делал небольшой крюк, чтобы заехать сюда. Ближайшая деревня находилась в пяти километрах, если идти по лесу, а если по дороге, то и во всех десяти.

Сам же пансионат выглядел впечатляюще уже начиная с ворот. Огромный двор окружен высоким железным забором, кованые тяжелые ворота хоть и закрыты, но не на замок. Саша живо представила, как еще тридцать лет назад замок здесь наверняка висел: большой, мощный. Такой, чтобы никто из детей не мог сбежать. Забор сверху заканчивался хоть и декоративными, но весьма острыми на вид пиками. Через такой не перелезешь без травм.

Автобус ходит два раза в день, утром и вечером, а потому в том, что они все приехали на одном и встретились на остановке, даже не будучи знакомы друг с другом, не было ничего необычного, так что заходить решили вместе. Войтех распахнул ворота, и они втроем вошли во двор. Сразу за воротами расстилалась широкая дорожка, посыпанная мелким щебнем. Она была тщательно расчищена, зато вокруг лежали огромные сугробы, из которых уходили высоко вверх голые стволы сосен. Весь пансионат был окружен ими, и, наверное, летом сосны давали необходимую тень и прохладу, но зимой смотрелись мрачно и устрашающе. Почти на каждой сосне сидели огромные черные вороны

и непрерывно каркали, создавая впечатление, что исследователи приехали не в частную школу, а на погост.

Здание школы было большим, темно-серым, молчаливым великаном возвышалось в глубине двора. Кроме основного строения, были еще два флигеля, располагающиеся справа и слева от главного входа.

- Ни фиги себе! - выдохнул Ваня, оставив чемодан и уперев руки в боки. - Атмосферная такая школа, ничего не скажешь.

- И очевидно, построили ее гораздо раньше тридцати пяти лет назад, - добавил Войтех. - Изначально оно было чем угодно, только не школой для трудных подростков.

- Согласен, - кивнул Ваня. - На Хогвартс похоже.

- Из этого вытекает еще одна версия происходящего: что если дело в месте? Узнаешь подробности, чей это дом, кто его строил, что здесь было в разные времена? Ну и легенды, с ним связанные, заодно.

- Не вопрос.

- Не многовато ли Ване всего узнавать? - обиженно спросила Саша. - А мне что, сидеть и ждать новый труп, только тогда моя помощь понадобится?

Войтех удивленно посмотрел на нее. Интересно, чему удивляется? Тому, что она не хочет просто сидеть на месте? Так в его же интересах загрузить ее работой, чтобы она никуда не влезла. В последнее время Саша сдерживалась ради него, потому что обещала вести себя хорошо, не хотела, чтобы он лишний раз переживал, а теперь оковы пали. Наверное, он прочитал это в ее глазах или что-то другое в них увидел, потому что сказал:

- Тебя я попрошу изучить медицинские карты всех, кто живет в пансионате. И учеников, и учителей. Не будем сбрасывать со счетов версию, что убийца - кто-то из своих. Может быть, в их анамнезе ты найдешь нечто, хоть отдаленно указывающее на какие-либо психические отклонения. Тем более мы знаем, что убийца - высокий левша. То есть некая выборка уже есть.

В этот момент тяжелые двустворчатые двери распахнулись, выпуская наружу грузного мужчину в форменной одежде охранника. Он смерил вновь прибывших подозрительным взглядом, и Войтех поторопился представиться, пока тот не вызвал полицию.

7 февраля 2017 года, 19.30

школа-пансионат «Взгляд в будущее»

Московская область

Внутри школа разительно отличалась от того, что они видели снаружи. Коридоры были хоть и не очень просторными и светлыми, но мрачными не выглядели. Стены были покрашены свежей краской, на полу лежала современная плитка. Вдоль лестницы в рамках висели фотографии и грамоты, а в холле первого этажа стоял стеклянный стеллаж с кубками и наградами. И если кубки в основном принадлежали школьной футбольной команде и отдельным спортсменам, то грамоты на стены вешали музыканты: в школе, как оказалось, приветствовалось увлечение музыкой, имелся собственный оркестр, а уроки преподавал лауреат международных конкурсов.

Сначала их пригласили в кабинет заместителя директора, которым оказалась высокая, очень худая, будто высохшая, женщина неопределенного возраста. Войтех с одинаковым успехом мог дать ей как сорок, так и шестьдесят, но все-таки больше склонялся ко второму варианту. Уже выйдя из кабинета, Иван назвал ее Бабой Ягой, и, пожалуй, это была самая верная характеристика.

Она представилась Тamarой Игнатьевной, долго и пристально изучала липовые документы, и Войтех нутром чуял, что она им по какой-то причине не верит. На самом деле причин для этого у нее не было, документы полностью соответствовали государственному образцу, но она так пристально рассматривала их, даже зачем-то скребла ногтем, только что на зуб не пробовала. Особое недоверие у нее вызывал Войтех как иностранец. Она устроила ему допрос, во время которого Войтех почти физически чувствовал себя прижатым к стенке и со светящим в глаз фонариком. Однако, в отличие от Ивана, у него был реальный опыт преподавания в колледже, и когда он рассказывал об этом, то не врал. Войтех даже лгать умел весьма убедительно,

а уж когда говорил правду, и вовсе не вызывал подозрений, поэтому пришлось Тамаре Игнатьевне принять его на работу. Тем более, как выяснилось, директор ее о новичках предупреждал, велел оформить в кратчайшие сроки, и весь допрос был чистой воды самоуправством.

Комнаты для преподавательского состава и обсуживающего персонала находились в левом флигеле на втором и третьем этажах, на первом этаже там же располагались кухня, столовая и большой актовый зал; дети занимали весь правый флигель, а в центральной части здания находились классы и административные кабинеты.

Комната Войтеха оказалась небольшой, даже, можно сказать, тесной. В ней стояла только узкая односпальная кровать, шкаф на одну секцию, письменный стол и стул. Зато была собственная ванная комната с крохотной душевой кабиной и унитазом с практически нависающей над ним раковиной, но Войтеху частенько приходилось довольствоваться и меньшим, поэтому он не роптал. А вот усмешку не сдержал, когда представил, что такие же хоромы достались Ване. Что он там говорил про рост среднестатистического мужчины?

До вечернего чая еще оставалось время, поэтому Войтех решил зайти к директору. Не то чтобы в этом была какая-то необходимость, но так было правильно, если кто-то вздумает обратить на новеньких внимание. А заодно возможность раздобыть кое-какую информацию.

Коридоры преподавательского флигеля были пусты. Очевидно, учителя после занятий сидели по своим комнатам либо дежурили в учебной части. После второго убийства охрану в школе усилили, но та следила за безопасностью, а вот за порядок отвечали преподаватели.

Проходя мимо комнаты Саши, Войтех непроизвольно замедлил шаг, прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука, но Саша никогда не была любителем создавать фоновый шум. Она включала телевизор, только если хотела что-то посмотреть, радио – только если хотела послушать музыку.

Сашу в командировку он взял в последний момент. Еще входя в здание Института, он был уверен, что возьмет Долгова, мысленно прикидывал, не поздно ли ему позвонить, предупредить, что завтра он будет нужен, но на столе его привычно ждала пачка бумажных писем и распечаток

электронных, и среди этой пачки нашлось одно дело, требующее присутствия врача, лучше диагноста. И Войтех сдался.

Он не почувствовал от письма ничего необычного, дело, скорее всего, не по их части, но умирали люди, и даже если причина в чем-то обычном, то хороший диагност, такой, как Константин Долгов, врачам маленького провинциального городка очень поможет. Такова была причина для всех остальных, сам же себе Войтех мог признаться, что просто ухватился за возможность взять с собой Сашу.

На улице уже стемнело, освещение длинного коридора было неярым, и Войтеху внезапно стало неуютно. Показалось, что впереди, в той части коридора, куда не дотягивается свет, кто-то есть. Ощущение было таким сильным, что он почти шагнул туда, посмотреть, проверить, но распахнулась соседняя с Сашиной дверь, выпуская из комнаты Ивана.

– О, Дворжак, а ты чего тут бродишь? – удивился он.

– Вообще-то Войтех Ладиславович, – тихо поправил Войтех. – Или хотя бы чуть больше уважения. Мы незнакомы, если ты забыл.

Иван огляделся по сторонам, но вопреки опасениям Войтеха, продолжать в том же духе не стал. Он мог быть каким угодно шутком, но когда дело касалось работы, умел становиться серьезным. Правда, не совсем серьезным...

– Ой, а вы тоже на кухню, Войтех Ладиславович? – медово-елейным тоном громко спросил Иван. – Правильно! Хорошее питание, скажу я вам, залог здоровья! На ужин мы опоздали не по своей воле, вот я и решил, может, нас все-таки покормят?

– Иван! – едва слышно сказал Войтех. – Ты можешь быть серьезным?

– А мы с тобой на «ты» не переходили, – таким же шепотом напомнил тот.

Войтех вздохнул. Он знал Сидорова пять лет, давно понял, что иногда проще принять его правила игры, чем спорить.

– Нет, я не на кухню.

– Какая жалость, – продолжал играть дурачка Иван. – Ну и ладно, спите голодным, а я поем.

Вдвоем они спустились на первый этаж, не встретив по пути ни одного человека. Иван свернул в столовую, а Войтех направился к коридору, соединяющему флигель с главным зданием. Конечно, в это время директор уже мог покинуть свой кабинет, но начать следовало с него, прежде чем решать, ломиться ли в личные комнаты.

Войтех никогда не страдал пространственным кретинизмом, умел запоминать дорогу с первого раза, а в новых местах неплохо ориентировался интуитивно, но то ли интуиция его сегодня подвела, то ли здание проектировал пьяный архитектор: вместо коридора, где находился кабинет директора, он попал в совершенно другой. Только что он был пусть в полутемном, но вполне обычном месте, а сейчас, свернув за угол, внезапно оказался словно в туннеле. Или даже скорее – пещере. Сплошные бетонные стены, сводчатый потолок, обычная черновая стяжка на полу. Далеко впереди горела тусклая лампа – единственный источник света. Можно было развернуться и выйти, ведь уже ясно, что попал не туда, но что-то заставило Войтеха шагнуть вперед.

Он медленно продвигался по коридору, разглядывая обшарпанные стены, прислушиваясь к ощущениям. Коридором явно не пользовались, сюда редко кто-то заходил: даже в тусклом свете лампы хорошо был виден слой пыли и грязи на полу без единого следа обуви. По ногам проходил сквозняк, а значит, впереди есть дверь или окно.

Войтех дошел уже до середины, когда сбоку раздался скрип, будто медленно приоткрылась старая дверь. Остановился, прислушался. Скрип прекратился, зато вместо него послышались аккуратные шаги, словно кто-то маленький и легкий крался на цыпочках, но на полу не появлялось никаких следов. Войтех медленно обернулся вокруг своей оси, пытаясь понять, откуда идет звук, разглядеть того, кто мелкими шажками приближается к нему, но никого не увидел. Невидимое существо подошло совсем близко, остановилось, а затем побежало. Не от него, а вокруг. Войтех чувствовал чье-то присутствие, слышал топот ног, иногда его касалось что-то легкое, невесомое, но он упорно никого не видел. Уже потянулся к перчатке на правой руке, собираясь снять, быть может, тогда что-то увидит или поймет, но в этот момент за спиной раздался

голос:

– Что вы здесь делаете?

Войтех дернулся от неожиданности и обернулся. Позади, в том конце коридора, откуда он пришел, стояла Тамара Игнатьевна и строго смотрела на него. Войтех снова огляделся, но шагов невидимого существа больше не услышал. Что бы это ни было, оно ушло, не оставив следов.

– Вы слышите меня? – раздраженно повторила завуч. – Как вы здесь оказались?

Войтех шагнул к ней и примирительно вскинул руки.

– Я шел к директору, но, кажется, не туда свернул.

– Определенно не туда, – подтвердила завуч. – Пойдемте, я вас отведу.

Не дожидаясь ответа, Тамара Игнатьевна развернулась и зашагала к лестнице. Цоканье ее каблуков гулко разносилось по всему коридору, как Войтех мог не услышать его раньше? Он поторопился за ней и, уже когда почти свернул за угол, уловил краем глаза какое-то движение. Быстро обернулся и успел увидеть тень, шмыгнувшую в сторону и скрывшуюся в нише, которую он не заметил раньше. Войтех моментально шагнул следом, думая, что там, в темноте, скрывается дверь. Однако ниша оказалась маленькой и пустой. Если бы кто-то на самом деле скользнул сюда, ему негде было бы спрятаться. А значит, либо это кто-то нематериальный, либо где-то здесь есть потайная дверца. Вариант, что ему показалось, он не рассматривал.

Изучить нишу досконально не удалось. Тамара Игнатьевна вернулась и уже более раздраженным тоном поинтересовалась, почему он задерживается. Пришлось соврать, что уронил ручку.

– Я обратил внимание, что коридором не пользуются, – полувопросительно заметил Войтех.

– В нем нет необходимости, – размашисто шагая и не оборачиваясь, ответила Тамара Игнатьевна. – У нас хватает других помещений.

– А что здесь было?

Завуч пожала плечами.

– Просто коридор, как и везде.

– Но я не заметил дверей.

– Значит, в другом конце вход в подвал или что-то похожее.

Она сказала это таким тоном, что Войтех понял: дальше расспрашивать не имеет смысла. Не скажет. Или не знает. Хотя едва ли не знает, такие люди знают все о своих коллегах, учениках и том месте, где живут и работают.

Они прошли по длинному коридору, поднялись на полуторный этаж и спустились в другом месте. Оказывается, Войтех перепутал лестницы, а не коридоры, идя вслед за Иваном, спустился раньше, чем следовало. Тамара Игнатьевна довела его до директорского кабинета и даже подождала, пока он постучит и получит разрешение войти. Слово боялась, что он сбежит, как нерадивый ученик.

Директором оказался высокий подтянутый мужчина с копной седых волос, цепким взглядом маленьких глаз и очень крепким, сильным рукопожатием. Он хоть и пригласил Войтеха сесть и даже поинтересовался, не хочет ли тот чашку кофе, от которой Войтех отказался, но при этом выглядел недовольным. Это можно было бы списать на усталость, но Войтех не обманывался: директор не рад им. О чем и не преминул сообщить.

– Я не стал спорить с Николаем Александровичем, все-таки он один из владельцев пансионата, а я всего лишь наемный рабочий, но мне не нравится, что детей будут учить непрофессионалы. У нас хорошая школа.

– А если в вашей хорошей школе будут убивать детей и дальше, вам это понравится? – не удержался Войтех.

По лицу директора скользнула тень раздражения.

– Это дело полиции, а не охотников за привидениями!

– Мы не заменяем полицию, – спокойно возразил Войтех, решив, что продолжать спорить будет неконструктивно. – Они занимаются своим делом, мы – своим.

– Каким? – в голосе директора проскользнуло ехидство. – Охотитесь на призрачного убийцу?

– Призрачный он или нет – мы обязательно выясним, – заверил Войтех. – А что вы сами думаете об убийствах?

Директор вздохнул, откинулся на спинку большого кожаного кресла, снял с носа очки и потер переносицу.

– Не знаю. Когда убили Соню, я думал, что это убийство из ревности или ненависти. Знаете... – Он вернул очки на нос и снова сфокусировал взгляд на Войтехе. – О мертвых плохо не говорят, но ее многие не любили. Она была девушкой острой на язык, вредной. Но когда убили тихую и спокойную Леру, я начал верить в версию с маньяком. По крайней мере, насколько мне известно, полиция в первую очередь отрабатывает ее. Я слышал, что тридцать лет назад такие убийства уже происходили, но тогда убийцу не нашли. Возможно, он вернулся и взялся за старое.

Версия полностью совпадала с мнением Ивана Сидорова, но Войтеху казалось, что дело не в этом. Здесь было что-то другое, но что, он не знал. Однако обязательно разберется.

– А камеры у вас стоят? – поинтересовался он.

Директор покачал головой, как показалось Войтеху, с сожалением.

– Далеко не везде. Только в коридорах первых этажей, а также в том, куда выходят административные кабинеты. Еще одна над главным входом. Владельцы считают, что у детей должно быть личное пространство.

Они обсудили еще несколько организационных вопросов, и Войтеху показалось, что директор несколько смягчился. По крайней мере, он пообещал никак не выдавать их ни коллегам, ни полиции, хотя и в содействии не клялся. Войтех видел, что он не рад им, но идти против Мамонтова не смеет. И этого хватит

на первых порах, а дальше будет видно.

Глава 3

8 февраля 2017 года, 9.05

школа-пансионат «Взгляд в будущее»

Московская область

- На первый-второй рассчита-а-айсь!

Глядя на то, как шеренга подростков сонно и не слишком счастливо выкрикивает номера, Ваня подумал, что давно мечтал это сделать. Вот так противно-бодро с утра выйти перед публикой и принудить заниматься физкультурой, вместо того чтобы видеть сладкие сны в своих постельках. Наверное, ради этого стоило самому встать на два часа раньше, плотно позавтракать и немного размяться, чтобы выглядеть полным сил, ловить на себе раздраженные взгляды парней и восхищенные – девчонок.

Первый урок по расписанию стоял в десятом классе, где учился Артем Мамонтов. И это была отличная возможность узнать что-нибудь интересное о расследуемых убийствах. Поэтому Ваня вывел всех на улицу, заявив, что подышать свежим морозным воздухом всяко полезнее, чем тушиться в спортивном зале. Благо школа была хорошей не только на словах, но и на деле: среди спортивного инвентаря Ваня обнаружил нужное количество лыж, да не старых и наполовину сломанных, как было когда-то в его школе, а хороших, качественных. Не намного хуже тех, что стояли у него дома. На таких лыжах можно не то что пойти в лес на сорок минут, но проследовать и по более сложным маршрутам. К тому же дети одеты не в неудобные пальто и сапоги, а в качественные лыжные ботинки и непромокаемые спортивные костюмы, в которых и сугробы не страшны. Пожалуй, если однажды Ване на самом деле придется искать себе работу учителем физкультуры, он пойдет в такую школу.

Недовольно ворча, дети разобрали и надели лыжи, снова выстроились в шеренгу. Ваня включил планшет, который ему выдали вместо большого классного журнала, и принялся изучать список учащихся.

– Так, поскольку я новенький, местности не знаю, мне нужен кто-то, кто и поведет нас на прогулку... – Он замолчал, делая вид, что читает фамилии. – Мамонтов! Кто Мамонтов?

Артем лениво вышел вперед, тяжело вздыхая.

– Не вздыхаем, Мамонтов! – тут же развеселился Ваня. – Бодрее, бодрее, ты сегодня пример для подражания!

Подростки нестройно рассмеялись.

– Ну-ка, иди сюда, я тебе свисток выдам.

Артем все так же медленно подошел к Ване, но тот видел, что в глазах его плещется настороженность. Вся эта размеренность и нежелание выполнять требования физрука были лишь игрой.

Ваня стащил с шеи свисток и надел его на Артема, но специально запутался в капюшоне, сделал вид, что зацепился шнурком за молнию и пытается его отстегнуть, а сам тихонько прошептал:

– Отведи на место обнаружения кого-нибудь из жертв.

Артем едва заметно кивнул, помог справиться со свистком и вернулся к одноклассникам. Через пару минут выдвинулись в лес. Артем возглавлял колонну, за ним тянулись подростки, а Ваня замыкал шествие. Несколько особенно активных девчонок собирались отстать вместе с ним, уж наверняка не для того, чтобы о физической нагрузке поговорить. Ваня был готов к тому, что высокий блондин спортивного телосложения с зелеными глазами и белозубой улыбкой приведет в восторг шестнадцатилетних девчонок, поэтому быстро пресек любые поползновения к подростковым заигрываниям. Да и лыжня не позволяла ехать рядом, только друг за другом.

Накануне мела метель, шел снег и ночью, но к утру снегопад прекратился, выглянуло тусклое зимнее солнце, подернутое дымкой, а потому в лесу было невероятно красиво. Высокие деревья укутало пушистое белое покрывало, тяжелой ношей легло на большие еловые лапы, пригибая их к земле. Снег блестел и искрился так ярко, что порой на него было больно смотреть. То здесь, то там виднелись длинные заячьи следы, а вдогонку за ними тянулись лисьи. Кое-где снег был притоптан сильнее, должно быть, там хищник догнал добычу. Иногда с деревьев срывались тяжелые комья, падали под ноги лыжникам, а порой и на голову, щедро насыпая холодную порошку за шиворот. Девчонки в такие моменты визжали, парни хохотали.

Впечатление портили только многочисленные каркающие вороны, сидящие на деревьях и поглядывающие хитрыми черными глазами на идущих внизу людей. Казалось, здесь их даже больше, чем в школьном дворе, и количество исчисляется уже не десятками, а сотнями. На каждом дереве сидело не по одной, а по две-три особи. Ваня никогда не испытывал ужаса перед птицами, но сейчас чувствовал взгляды черных глаз на затылке, а после каждого размашистого «кар-р-р» волосы у него на голове почти заметно шевелились и по позвоночнику пробежал холодок.

– В этом году их как-то особенно много, – передернув плечами, заметила одна из девочек.

– И тусуются возле школы, – добавила вторая. – Раньше в основном в лесу жили, а теперь поближе к цивилизации перебрались.

– Это они смерти чувствуют! – сказала третья. – Как падальщики...

– Не носи пургу, – возразил высокий нескладный парень в очках.

Лес тем временем обступил со всех сторон, сомкнулся вокруг кольцом. Летом это могло стать проблемой, но зимой, когда хорошо видны следы от лыж, с возвращением трудностей возникнуть не должно. По прикидкам Вани, они ушли уже достаточно далеко, и вот наконец впереди показалось место преступления. Метелью замело и кровь на снегу, и следы полицейских и криминалистов, которых здесь наверняка было предостаточно. Осталась только оборванная и мертво лежащая на снегу огораживающая лента.

Артем остановился, за ним остановились и другие ребята. Сняли лыжи, подошли ближе. Ваня тоже подошел, поднял один конец ленты, осмотрел.

- А что это у вас тут за лента? - поинтересовался он, делая заинтересованный вид. - От полиции, что ли?

- А у нас тут убийство произошло. Одноклассницу нашу убили. Буквально несколько дней назад, - принялись наперебой рассказывать дети.

- Ого! - Ваня округлил глаза. - Надо же.

- Вы не слышали? - удивленно спросила девушка с длинными наращенными ресницами, если Ваня правильно запомнил, - Женя. - Вся школа только об этом и гудит который день. - Последнюю фразу она произнесла пренебрежительно, чуть лениво растягивая слова, будто все эти разговоры яйца выеденного не стоили. Ну, подумай, убили. Лучше бы обсудили новые тренды в моде.

- Честно говоря, сплетни я пока не собирал, - обезоруживающе улыбнулся Ваня. - Я вчера поздно приехал, поужинал и лег спать. Потому что в моем мире еда и сон гораздо важнее, чем сплетни.

Подростки несмело улыбнулись, опасаясь улыбаться открыто, все-таки почти на кладбище находились, только Женя презрительно надула губы. Пока еще обычные, без силикона, но Ваня был уверен, что это временно. Якобы не желая обидеть девчонку, он добавил:

- Но сейчас я сытый и выспавшийся, поэтому с удовольствием послушаю.

Женя фыркнула еще презрительнее и отошла в сторону, давая понять, что уже потеряла к нему интерес и ничего рассказывать не собирается. Зато ее одноклассники оказались не такими принципиальными. Буквально десять минут спустя Ваня знал уже такие подробности, какие, возможно, не были известны даже полиции.

Соня Грабаренко была из достаточно обеспеченной по меркам Самары семьи, но все равно не чета ребятам из Москвы. То есть не чета тем, в чью компанию она стремилась. В школе учились и дети победнее, но Соню они

не интересовали. Ее бабушки и дедушки были обычными работягами, родители тоже не имели престижного образования. Но отец, чья юность пришлось на девяностые, будучи парнем пробивным и в каком-то роде безбашенным, оказался одним из тех, кто сумел неплохо подняться в то непростое время и в двухтысячные вошел с тугим кошельком. Бандитские годы остались в прошлом, но награбленные, пардон, заработанные и грамотно вложенные финансы позволили ему легко и быстро адаптироваться к новому строю. В Самаре ему принадлежал салон красоты, а также несколько неофициальных автомастерских, поэтому «элита» школы звала Соню Королевой Бензоколонки.

– Она делала вид, что ей плевать, – фыркнула Женя. Остаться в стороне от разговора она не смогла. – И бегала за нами, как собачонка, хотя ей ясно дали понять, что ее место вон, – красавица кивнула в сторону парочки девчонок, – с ними.

Не потому ли Соня была такой оторвой, готовой на любые авантюры? Ваня представлял, на что способны подростки, желающие завоевать уважение в компании.

– У нее в деревне парень какой-то был, – продолжали вываливать на него информацию дети. – То есть он сам из Москвы, а в деревне у него бабка живет. Они часто встречались в лесу. Вот, наверное, и в тот раз она к нему на свиданку пошла. Сначала вообще думали, что это он ее, но у него алиби. С температурой в бреду он валялся. Бабка свидетель.

– Так если он валялся с температурой, как Соня могла пойти к нему на свидание? – не понял Ваня.

Дети переглянулись. Похоже, такие вопросы не приходили в их головы.

– Может, она не знала? – неуверенно предположила худенькая девчонка, но прежде, чем Ваня успел ответить, его опередила Женя:

– Ну конечно, телефонов же нет, о встречах почтовыми голубями за три дня договариваются, – фыркнула она. – Уж как бы я к ней ни относилась, но настолько дремучей она не была.

Худенькая девчонка густо покраснела, отошла в сторону, больше ничего не стала говорить. Еще один изгой, очевидно.

– Значит, Соня не к нему пошла, – заключила другая девушка. – Впрочем, это логично, наверное, их кто-то выманивает.

– Их? – уточнил Ваня.

– Ну да, – девушка кивнула. – Через пять дней после Сони погибла Лера из девятого класса. И вот той в лесу ночью делать точно нечего было. Если ее ночью где-то и можно было увидеть, кроме постели, то разве что в библиотеке.

– Ничего себе у вас тут ситуация, – Ваня задумчиво потер подбородок. – Ей тоже горло перерезали?

– Ага! – дети активно закивали.

– А нашли где?

– Этого никто не знает, – с сожалением сказал рыжий парень. – Если Соню искать нас привлекали, то на поиски Леры сразу полицию вызвали. Но где-то неподалеку, я слышал разговор учителей.

Ваня понимающе кивнул. Взглянул на часы и громко присвистнул.

– Так, товарищи, возвращаемся! – заявил он, хлопнув в ладоши. – Иначе опоздаете на второй урок.

– Было бы на что опаздывать, – фыркнула Женя, но к лыжам потянулась.

И хоть дорога теперь была известна, Ваня все равно отправил первым Артема, сам немного отстал. Это было необходимо, чтобы незаметно вытащить телефон и поставить метку на карте. Второй раз в незнакомом заснеженном лесу он может не найти это место, тем более если снова начнется метель, а показать его Айболиту и Дворжаку будет не лишним. Особенно последнему. Вдруг видение какое поймает, всяко полезно.

В школу вернулись уже после того, как прозвучал звонок на перемену, поэтому дети побросали лыжи там, где сняли, и бросились в раздевалку и душевые. В этой школе после урока физкультуры полагалось принять освежающий душ, чему Ваня даже позавидовал. Обычным школам такое и не снилось. Он не стал ругаться на подростков, разложил лыжи по местам сам.

Именно за этим занятием его и застала завуч, Тамара Игнатьевна. Эта мырма Ване не понравилась еще вчера. Противная, пронырливая. Строит из себя строгую, а на самом деле просто неприятно-въедливая. Таких обычно не любят те, кто под ней, зато всячески продвигают те, кто над ней. Потому что знают: они будут держать подчиненных в ежовых рукавицах, а руководству чаще всего нужна только дисциплина. А еще за их спинами удобно прятаться в случае некрасивых методов работы. Ване попадались такие начальники за его недолгую карьеру простым служащим в научном институте. Прививка на всю жизнь.

– Иван Петрович, позвольте поинтересоваться, куда вы водили детей, – строго спросила Тамара Игнатьевна, сложив руки на груди.

Ваня выпрямился, навис над ней, как утес над морем, однако на вредную тетку это не возымело действия.

– Так в лес, – простодушно улыбнулся он. – Погода хорошая, красотища вокруг, воздух свежий. Чего им в душном зале сидеть?

– Не знаю, в какой школе вы работали раньше, но у нас в спортзале хорошая вентиляция, – припечатала завуч. – Незачем водить детей в лес!

– А зачем тогда у вас лыжи?

Завуч осеклась, но тут же взяла себя в руки.

– Незачем водить детей в лес сейчас! Вы же знаете, какая у нас тут обстановка? – последнее она сказала лишь чуть-чуть вопросительно, но Ваня кивнул.

– Так они ж со мной. Что случится?

– Вот чтобы ничего не случилось, сидите в школе! Если, конечно, – она снисходительно улыбнулась, – вы не хотите вернуться в школу, где в спортзале нет вентиляции.

Ваня развел руками и склонил голову, давая понять, что осознал ошибку и больше так делать не будет. Завуч несколько секунд разглядывала его лицо, наверное, хотела убедиться, что он искренен в своем раскаянии. Очевидно, убедилась, потому что удовлетворенно кивнула, развернулась на каблуках и направилась к выходу. Ваня проводил ее взглядом и только хмыкнул. Если бы он на самом деле устроился сюда работать, не стоило бы даже трудовую в отдел кадров отдавать, чтобы не марать ее записью. Вылетел бы он отсюда со свистом уже через пару дней.

8 февраля 2017 года, 9.35

Урок биологии навевал на Войтеху не самые приятные воспоминания о том периоде, когда ему приходилось действительно преподавать эту науку нерадивым студентам, но едва ли кто-то из детей мог заметить, что новый учитель не так уж счастлив стоять у доски и объяснять им потоки энергии в экосистеме.

Девятый класс, который достался Войтеху в качестве дебюта, оказался довольно прилежным. По крайней мере, ребята не галдели и учителя не перебивали, хотя записывали и даже слушали далеко не все. Девочки на первых партах, конечно, не спускали с него глаз, но Войтех подозревал, что причиной тому были вовсе не схемы, которые он демонстрировал на слайдах. Парни в основном листали книги, слабо напоминающие очертаниями учебник биологии, или же вовсе внимательно смотрели под парты, где держали в руках мобильные телефоны. Войтех не делал замечаний и не требовал исключительного внимания. Его мысли тоже были далеки от предмета.

Еще до завтрака он успел навестить коридор, в котором вчера почудились чьи-то шаги и тень. Коридор действительно оказался темным, заброшенным, с толстым слоем пыли на полу, только сегодня в свете мощного фонаря, который Войтех захватил с собой, он нашел чужие следы: рядом с отпечатками его ботинок были следы птичьих лап. Школьный двор кишел воронами, возможно ли, что одна из них вчера влетела в окно и именно ее он слышал? Ему казалось, что он

слышит шаги, но что если воображение просто дорисовало их?

Войтех прошел до конца коридора, нашел дверь на улицу. Она не была заперта, отворялась легко и при сильном ветре вполне могла немного приоткрываться, отсюда и сквозняк. Отыскал он и нишу, но никаких дверей в ней не обнаружил. Так что если тень действительно скользнула туда, если ему не показалось, то спрятаться ей было негде, разве что раствориться в темноте. Впрочем, если это была птица, Войтех мог и не заметить ее где-нибудь в углу. По крайней мере, сегодня здесь никаких птиц не было. Больше ничего интересного он не нашел.

Урок подходил к концу, Войтех записывал на доске основные тезисы, по которым следовало готовиться к следующему, а потому не сразу заметил неладное. Сначала почувствовал: по спине пробежал холодок, проснулось экстрасенсорное восприятие, и он явственно ощутил направленный в спину взгляд. Не кого-то из детей, они и до этого смотрели на него. Взгляд был чужеродный, неестественный. Войтех медленно опустил руку с мелком и обернулся.

В дальнем углу класса, позади детей, стояла женщина. На ней было длинное черное платье, не вечернее или праздничное, а скорее рабочее. Руки безвольно свисали вдоль тела, голова была чуть наклонена, темные волосы закрывали лицо. Немногочисленные открытые участки кожи казались такими бледными, словно в ее жилах не осталось ни капли крови.

Войтех видел фотографии и погибших недавно девушек, и тех, что убили тридцать лет назад. Ни на одну из них эта женщина не походила. То, что она не человек, Войтех понял уже хотя бы потому, что она никак не могла войти в класс незамеченной. А значит, и не входила, появилась сразу в углу. Она не нападала, не подходила ближе, но Войтех чувствовал агрессию, исходящую от нее, и лихорадочно думал, что делать. Пока никто из детей женщину не увидел, но это было лишь делом времени. И, как оказалось, весьма непродолжительного.

Одна из девочек на первой парте, не сводившая с Войтеха взгляда весь урок, обратила внимание на его секундное замешательство, обернулась. Не закричала – и то хорошо. Но вскочила с места, привлекая к себе внимание одноклассников. Все обернулись, испуганно замерли. Женщина, похоже, тоже испугалась такого внимания, поскольку странно вздрогнула, будто кто-то дернул ее за шиворот, подлетела в воздух на полметра, а затем медленно растворилась в воздухе.

И вот тогда поднялся визг. Девочки вопили, некоторые даже расплакались, Войтех и мальчишки с трудом успокоили их. Повезло, что никто не бросился вон из класса, иначе объясняться ему пришлось бы уже с руководством школы.

– Спокойно, это всего лишь оптическая иллюзия, – как можно равнодушнее сказал он.

Ребята недоверчиво покосились на него, но немного притихли.

– Какая еще иллюзия?

– Оптическая, – повторил Войтех. – Смотрите, – он подошел к окну и указал на дерево, растущее за ним. – Тень от дерева упала на темный угол, а наше воображение уже дорисовало картину. Это одна из особенностей мозга, которую мы с вами еще будем изучать. Затем солнце скрылось за тучей, и тень исчезла.

– Но она шевелилась.

– Это вороны. Они шевелятся на дереве, потому и тень шевелилась.

Войтех нес полную чушь. Никакая тень не могла сформироваться в такое четкое изображение. Однако желаемого он добился: ребята хоть и не выглядели убежденными на сто процентов, но словам его поверили. Или отчаянно хотели поверить. И это было еще одно интересное свойство мозга: сталкиваясь с необъяснимым, человек готов поверить самым невероятным теориям, вместо того чтобы признать очевидное. С таким явлением в работе Войтех тоже частенько сталкивался.

– Как-то не похоже это на иллюзию, – все-таки возразила девушка, первой заметившая призрак, но Войтеху даже отвечать не пришлось, за него это сделал высокий конопатый парень:

– Ну не призрак же это, в самом деле!

– А я слышала, что у нас по школе действительно бродит призрак, – робко заметила соседка первой девушки. – Черная Дама.

– Бред! – уверенно возразила третья. – Эти сказки мелкие любят рассказывать. Небось, ты от своей сестры и слышала?

Девушка не ответила, и Войтех понял, что она действительно слышала это от кого-то из младших школьников. Ребята могут сомневаться сколько угодно, а он теперь знает, что это правда. И, скорее всего, призрак связан с убийствами, если только убийства действительно имеют под собой мистическую основу. Потому что два аномальных явления в одном месте, не связанные друг с другом, – совпадение, конечно, не то чтобы невозможное, но крайне редкое.

К уроку так и не вернулись. Войтеху пришлось немного углубиться в тему дорисовки сознанием каких-то фактов, чтобы окончательно успокоить школьников, а после этого прозвенел звонок. Ребята покинули класс, Войтех же не торопился выходить из кабинета. Когда за последним школьником закрылась дверь, он медленно поднялся из-за стола и подошел к тому месту, где проявился призрак. Прикоснулся к стене, но перчатку снимать не стал. Этого и не потребовалось: легкое, почти невесомое видение пробилось к нему сквозь тонкую ткань. Он увидел большое стекло, за которым в темноте то и дело вспыхивали всполохи света, а в одном из этих всполохов проявилась фигура в длинном темном одеянии.

Это ее он видел вчера в Сапсане.

8 февраля 2017 года, 14.10

До самого обеда Саша провозилась с документами. Картонные папки занимали целый шкаф в одном из кабинетов, отведенных для школьного врача, поэтому быстро их просмотреть оказалось нереально. Здесь были медицинские карты не только учеников, но и преподавателей, поваров, воспитателей, уборщиц и даже дворника с садовником. Правда, Сашу удивило, что в двадцать первом веке в частной школе под Москвой нет электронной базы, все по старинке хранится на бумаге. Очевидно, предыдущий врач был из тех людей, которые печатают одним пальцем, и то ошибаются.

Информация, записанная в картах, ее тоже удивила, но уже приятно. В них были записаны не только данные по гриппу и травмам, которые дети получали в стенах школы, но и полное медицинское заключение о здоровье каждого.

Перед тем как поступить в школу, и дети, и взрослые проходили доскональный медицинский осмотр. Сашу особенно интересовали заключения психологов. Они здесь не являлись привычными отписками, а были подробными, а потому важными. Конечно, она сомневалась, что человека, склонного к агрессии или имеющего в анамнезе какие-то отклонения, могут взять на работу в подобное место, но вот на обучение – запросто. Деньги в таких местах решают все. А кто сказал, что убийца непременно совершеннолетний? К сожалению, в медицинской карте не указывается ведущая рука пациента, но вот данные о росте есть, поэтому некоторую часть документов ей удалось отсеять и облегчить себе работу.

Саша пролистывала одну карту за другой, делала кое-какие пометки в блокноте, отмечала, о ком следует поискать больше информации. Ведь как бы она ни хорохорилась, что бы ни говорила Войтеху, но понимала, что лучше всего подобные сведения найдет Ваня. Он знает, какие делать запросы, как войти в те базы данных, куда обычным смертным вход воспрещен. Она успела изучить только половину карт, когда часы пробили два пополудни и по школе пронесся звонок, приглашающий на обед. Саша захлопнула блокнот, отложила в сторону очередную папку и направилась в столовую, надеясь заодно поделиться кое-какой информацией с Ваней и Войтехом.

Столовая впечатлила еще утром во время завтрака. Она мало походила на обычную школьную столовую, скорее напоминала уютное кафе или даже недорогой ресторан. Здесь не было длинных столов, за которыми сидели бы целые классы, не было окошка раздачи и ворчливой буфетчицы. Накануне в комнате всех ожидало меню, где надо было отметить блюда, которые желаешь получить завтра, а затем брошюру опустить в специальный ящик на первом этаже. Кроме того, в углу столовой был организован еще и шведский стол с небольшим количеством блюд для тех, кто передумал есть заказанное или захотел добавки. Готовили в школе тоже отменно. Никакого картофельного пюре на воде и котлет из хлеба. А потому неудивительно, что никто не воротил нос и не перекусывал бутербродами.

Столики тоже оказались на любой вкус. В основном четырехместные, но были и побольше, на шесть и восемь человек. К одному из таких, побольше, Сашу и позвала молодая учительница, с которой они вместе подошли за обедом. Саша собиралась подсесть к Войтеху и Ване, которых заприметила за одним из четырехместных столиков, но отказываться не стала, рассудив, что, во-первых, это вызовет подозрения, а во-вторых, обедая вместе с другими

учителями, сможет выведать какую-нибудь информацию. Ване и Войтеху сесть вместе было нормально, они оба мужчины, причем новенькие, ни с кем еще особо не наладившие отношений. А вот если к ним сядет Саша, это уже будет если не подозрительно, то как минимум странно и обратит на себя внимание.

За столиком, куда привела ее, как выяснилось, учительница французского, уже сидели четыре женщины разных возрастов. Они обсуждали погоду, а потому не замолчали, когда к ним присоединилась новенькая, как ожидала Саша.

Сначала обедали за пустым, ничего не значащим трепом, и Саша все думала, как вывести разговор на убийства, пока в столовую царственно не вплыла Тамара Игнатьевна. Разговор учительниц тут же свернул на нее.

– Царица явилась, – презрительно бросила математичка. – Смотрите, – она обратилась к Саше, – сейчас как коршун всех осмотрит, так что кусок в горло лезть перестанет.

Над столом пронеслись сдавленные смешки.

– Я еще вчера поняла, что она здесь царь и бог, – закатила глаза Саша.

– Не то слово, – покачала головой француженка. – Ее, по-моему, даже директор побаивается. Я слышала, что она уже даже нового физрука успела отчитать.

Саша непроизвольно покосилась в сторону сидящих в нескольких метрах от них Войтеха и Вани.

– За что? – как можно беспечнее спросила она.

– А он на физкультуре детей в лес повел.

– А что в этом такого? – не поняла не только Саша, но и математичка. – Погода хорошая: мороз, солнце. Самое время для прогулок по лесу. Или он кросс заставил бежать?

– Да какой кросс? – француженка снова фыркнула. – На лыжах они катались. А царица возмутилась, что в такое время, да в лес. И плевать, что днем да целой

толпой. Главное, ее послушали. Вы же слышали, что у нас маньяк появился? – последний вопрос она адресовала Саше.

– Я слышала про убийства, – кивнула та. – Значит, думаете, это маньяк?

– Все к этому склоняются, – подтвердила молчавшая до этого учительница химии. – Хотя, конечно, я до сих пор не понимаю, что девочки делали в такой час в лесу. Ладно, Соня, но Лера?

– Ой, да я вас умоляю! – махнула рукой француженка. – Лера только на словах была хорошей, а на деле и курила втихаря, и матом ругалась как извозчик. Да, она не демонстрировала свою натуру, как Соня, но и в тихом омуте, знаете ли, такие черти водятся, что никому мало не покажется. А в лес пойти запросто на спор могли.

– А я слышала, что такие убийства уже происходили здесь раньше, лет тридцать назад, – осторожно подлила масла в огонь Саша.

– Было, было, – закивала химичка. Ей было уже хорошо за пятьдесят, а потому она могла помнить те события, если жила где-то неподалеку. Всех предыдущих учителей новые владельцы уволили, а значит, в то время в школе она не работала. – Только тогда это была школа для неблагополучных детей, поэтому о них особо не пеклись, не то что сейчас. Вон, охрану усилили даже, поговаривают, что патрули по территории собираются пустить.

– И что, тогда убийцу не нашли? – Саша сделала удивленное лицо.

– Нет. Вроде был какой-то подозреваемый из деревни, но улик оказалось недостаточно. Здесь неподалеку раньше большая деревня была, всякого контингента хватало. Но я, честно говоря, думаю, что не особенно те улики искали. Участковый сам из той деревни был, все вокруг соседи или родственники, а школа неблагополучная. Проще глаза закрыть, чем кого-то из своих обвинять. А следователям московским и подавно оно не надо было. Не то что теперь.

– Если бы это был кто-то из деревни, то с чего бы ему было ждать тридцать лет, чтобы снова начать убивать? – возразила француженка. – За тридцать лет он и вовсе состарился бы для убийств.

Саша не думала, что за тридцать лет можно так состариться, чтобы уже не иметь возможности убивать. Даже если убийце на момент первых преступлений было лет тридцать, то история знает немало случаев шестидесятилетних маньяков.

– А что, за прошедшие тридцать лет в окрестностях не было других убийств? – как бы между прочим поинтересовалась она. – Может, маньяк и убивал себе дальше, просто затаился лучше, убийства уже не связывали с прошлым делом.

– Таких – не было, – уверенно заявила химичка. – В деревне-то постоянно что-то случается, у меня там родственники, я знаю. То соседи подерутся да по пьяной лавочке силы не рассчитают, то муж жену поколотит, то еще что. Но это все-таки не убийства девочек. А в школе тихо. С тех пор, как из нее приличную сделали, так и вовсе. Я здесь с основания, за все время у нас только одна смерть и была. Лет семь назад мальчик один умер. У него был порок сердца, а он никак себя больным признавать не хотел. А тут у нас новый учитель физкультуры пришел, детей еще не знал. Вот Федя со всеми кросс и побежал, постеснялся сказать, что ему нельзя. Не добежал, упал в лесу. Если бы сразу нашли, может, и откачали бы, а так – все. Пока все прибежали, пока поняли, что Феде нет. Учителя со скандалом уволили, конечно, да только мальчишку не вернешь. Вот поэтому Тамара Игнатъевна сегодня новенького и отчитала. Ее тогда за Федю так загоняли, едва не уволили.

Саше показалось, что химичка единственная сочувствует строгому завучу и даже в некотором роде уважает ее.

– А может, это какая-то секта? – высказала предположение она. – В них любят такие убийства.

Учительницы переглянулись. Стало понятно, что такая версия никому в голову не приходила.

– Никогда не слышала, чтобы в наших краях существовали какие-то секты, – наконец осторожно призналась химичка.

Ничего больше спросить Саша не успела, поскольку в глубине столовой раздался звон посуды и визг девчонок. Несколько человек вскочили с мест, испуганно

озираясь. Саша тоже встала, решив, что кто-то разбил тарелку, а значит, мог и пораниться. Она поспешила к тому месту, откуда доносились звуки, но Тамара Игнатьевна успела раньше.

- Веселова, аккуратнее быть не пробовала? - строго отчитывала она полную блондинку с длинной косой, перекинутой через плечо. Судя по эмблеме на форменной блузке, она училась в десятом классе.

- Это не я! - оправдывалась девушка. - Она сама упала!

- Не ври хотя бы!

- Мы далеко стояли, это не Катя, - поддержала одноклассницу еще одна девушка.

- Говорят, сегодня на уроке биологии в девятом классе призрак появился, - внезапно заявила третья девушка.

Саша непроизвольно повернулась в сторону, где сидели Ваня и Войтех. Они смотрели на них, заметили, что что-то произошло, но подходить не стали.

- Говорят, Черная Дама вернулась, - продолжала вещать девушка. - И ее появление всегда к несчастью.

- Куда уж к большему, - проворчала худенькая девочка с ярко-рыжими волосами, стоявшая возле Саши.

Завуч шагнула к девушке, рассказывавшей о призраке, наклонилась к ней близко, так что бедняга даже отпрянула.

- Не придумывай ерунды, Краснова! - прошипела она. - Нет здесь никакого призрака!

Саша решила, что пора вмешаться. И хоть крови она не заметила, а все-таки громко спросила:

- Так, раненые есть?

Завуч бросила на нее неодобрительный взгляд, но Саша даже внимания на это не обратила. Пусть смотрит, сколько хочет.

Девчонки замотали головами.

– Нет раненых, есть только фантазерки, – бросила Тамара Игнатьевна, отходя в сторону.

Тут же подоспел кто-то из работников кухни, оттеснил Сашу в сторону, принялся собирать осколки. Поскольку медицинская помощь не требовалась – девчонки хоть и выглядели напуганными, но не поранились – она безропотно отошла в сторону, чуть не наткнувшись на кого-то. Обернулась, открыла рот, чтобы извиниться, но оказалось, что это Войтех. Они с Ваней все-таки подошли узнать, в чем дело.

– В пять часов ждем тебя у северной калитки, – шепнул ей Войтех, пользуясь тем, что никто на них не обращает внимания. – Пойдем на место обнаружения первой жертвы, и есть что обсудить.

Саша кивнула, давая понять, что непременно будет.

Глава 4

8 февраля 2017 года, 17.10

школа-пансионат «Взгляд в будущее»

Московская область

Лес начинался сразу за калиткой с западной стороны школы, поэтому Войтех и Иван дожидались Сашу, не боясь, что кто-то их заметит. Последние занятия закончились в половине четвертого, после чего у учеников и преподавателей началось свободное время, но Саша должна была находиться в своем кабинете ровно до пяти, а идти без нее Войтех не допускал и мысли. И лишь отчасти

потому, что они отправляются на место убийства, где его почти наверняка посетит какое-нибудь видение, а значит, Сашина помощь вполне может понадобиться.

Очевидно, она думала так же, потому что показалась из-за угла с небольшим рюкзачком, в котором носила медикаменты.

– Еле вырвалась, – пожаловалась она, подойдя ближе. – Сидоров, ты пятиклашек совсем загонял, массово ко мне шли то с больными головами, то с разбитыми коленями.

– Да я ж не виноват, что они такие хилые, – развел руками Иван. – Кросс бежали – еле добежали, в волейбол играли – все руки поотбивали.

– И все-таки ты осторожнее, – строго попросил Войтех. – Наша задача – найти маньяка, а не подтянуть физическую подготовку школьников.

– Одно другому не мешает, – легкомысленно отмахнулся Иван.

Задерживаться не стали, выдвинулись в лес сразу. Через час-полтора начнет темнеть, а заблудиться в незнакомом лесу февральской ночью казалось сомнительным приключением. Иван принес для всех лыжи, поскольку в лесу лежал снег и идти по нему без лыж было трудно. Он шел впереди, показывая дорогу, за ним, путаясь в лыжах и палках, тащилась Саша, Войтех замыкал процессию. Несмотря на то что день был солнечным, здесь, в густых зарослях, царили полумрак и мороз. Войтех пытался представить, что могло заставить школьниц пойти ночью в лес в такую погоду, но его фантазия работала с трудом.

– В общем, разузнал я немного об этой усадьбе, – сказал Ваня, когда они отошли на достаточное расстояние от забора и не боялись быть услышанными охраной или случайными прогуливающимися. – Ее построили не то в конце семнадцатого, не то в начале восемнадцатого века, данные разнятся в зависимости от источника. Принадлежала она графу Шумскому, человеку богатому, но крайне жестокому. Поговаривают, что немало крепостных не вышли из его дома. Бил он их смертным боем за малейшую провинность. И потомки у него уродились такие же.

– От осинки не родятся апельсинки, – прокомментировала Саша.

– Во-во, – закивал Иван. – В общем, неудивительно, что грохнули последнего владельца усадьбы ровно за месяц до отмены крепостного права. Усадьбу тоже подожгли, но выгорело только внутреннее убранство; стены, перекрытия не пострадали, даже крыша почти вся уцелела. Крестьяне разбежались. Осталась одна только деревня, километрах в пяти отсюда. Сейчас все заросло, а раньше к ней шла дорога, да и вокруг были отдельные хутора. В общем, усадьба простояла разгромленной до тысяча девятьсот сорок шестого года. После войны, как вы знаете, осталось много детей-сирот, поэтому усадьбу восстановили, как могли, и открыли здесь сиротский приют. Ну, сиротские приюты никогда не были институтами благородных девиц, поэтому и драки тут имели место, и голод, и холод. Умиряли дети часто. В конце пятидесятых снова случился пожар. Говорят, сами же воспитанники здание и подожгли. Дескать, приют здесь был хуже любой тюрьмы, директор зверствовал. Ненавидели его и ученики, и учителя. Несколько человек погибли, в том числе и сам директор, но большинство спаслись. Также есть мнение, что пожаром пытались скрыть массовую смерть детей и учителей из-за какой-то инфекции. В то время с этим было строго, сами знаете.

Войтех кивнул, вспоминая деревню Комсомольскую, жителей которой в пятидесятых годах сожгли, тоже пытаюсь замаскировать таким образом массовую смертность от инфекционного заболевания. Так что эта версия казалась очень правдоподобной, хоть в данном случае и не была так уж важна.

– Сгорело не очень много, но приют расформировали, – продолжал Иван. – Снова усадьба долго простояла заброшенной, больше двадцати лет. Ее восстановили лишь в начале восьмидесятых, открыли интернат для трудных подростков. И только в девяносто седьмом школу выкупил Скарятин. Как оказалось, он сам бывший воспитанник интерната.

– Да уж, смертей это место знало немало, – покачала головой Саша.

– Нет ничего удивительного, что в нем бродят призраки, – согласился Войтех.

– Ага-ага, – закивал Иван. – Вся школа гудит о том, что у тебя на уроке сегодня один объявился.

Войтех подробно пересказал произошедшее в девятом классе.

– Детей я успокоил, но сам уверен: это была не иллюзия, а призрак. По описанию очень похож на Черную Даму. Так что, возможно, легенда о ней не такая уж и выдумка. А еще раньше, вчера вечером, у меня было видение в одном из коридоров.

– Видение? – Саша спросила с интересом, без тревоги. Войтеху почему-то подумалось, что раньше она всегда тревожилась, когда дело касалось его видений.

– Не совсем привычное. Я шел к директору и немного заблудился, попал не в тот коридор. И мне показалось, что там я видел тень. Она шмыгнула в нишу, из которой ей некуда было деться, но и в нише я никого не обнаружил.

– А чего подробнее весь коридор не осмотрел? – спросил Иван.

– Потому что меня раньше обнаружила наша любимая Тамара Игнатьевна. Но я наведалься туда утром. На полу – следы моих ботинок и птичьих лап. Так что не могу сказать точно, был ли это призрак или всего лишь влетевшая погреться ворона.

– Странно только, что по легенде Черная Дама ищет своих дочерей в лесу, а ты видел ее в школе, – заметила Саша, на секунду остановившись, чтобы включить фонарь: в лесу уже достаточно стемнело. Ваня и Войтех последовали ее примеру.

– Ну, может, заглянула на огонек, – отмахнулся Иван, – в школе-то девчонок всяко больше. Высматривает новую жертву.

– Обычно призраки обитают в одном месте, не нарушают границ.

– Расскажи это тому, который едва не отправил Эльвирку на тот свет!

– Согласен, – поддержал Войтех. – В некоторых случаях призраки могут пересекать границы. Или призрак – не убитая колдунья, а одна из погибших девушек. И он не убивает, а предупреждает. Может быть, хочет справедливости. С таким мы тоже сталкивались. Нужно найти тех, кто учился и работал здесь раньше.

– Старых учителей тут не осталось; после того как школу выкупили, Скарытин всех разогнал, набрал новый штат, – вздохнула Саша. – Так что их придется искать где-то.

– Поручу это кому-нибудь, – кивнул Войтех. – Кажется, Айя у нас свободна. А ты можешь попробовать сделать это в сети. Не знаю, как насчет учителей, тридцать лет прошло, но многие из бывших учеников наверняка доступны онлайн.

– Я достану списки того времени, останется только опросить, – добавил Иван. – А еще неплохо было бы наведаться в деревню, расспросить местных. Мне рассказали, что якобы у Сони, первой жертвы, была там зазноба. Авось чего путного поведаст.

– Я запланировал визит в деревню на завтра, – сказал Войтех. – У меня как раз мало уроков, успею сходить еще до обеда. Заодно о секте разузнаю.

– Никто из нынешних учителей ни о какой секте не слышал, – покачала головой Саша. – Точнее, насчет всех не знаю, но те, с кем я обедала, о ней не слышали.

– Поэтому я и собираюсь расспросить о секте в деревне, – невозмутимо напомнил Войтех, а затем повернулся к Ивану. – Ты узнал что-нибудь про Мамонтова?

– Чист аки стеклышко, – хмыкнул тот. – Насколько это возможно для человека, начавшего делать бизнес в девяностые. Но никаких подозрительных смертей за ним не числится. Жена умерла от онкологии, родители были неблагополучные, спились. Горло перерезали только сестре тридцать лет назад, больше ничего такого в его окружении я не нашел. Так что не думаю, что на нем или Артеме может висеть какое-то проклятие.

Иван внезапно остановился, и Войтеху с Сашей пришлось сделать то же самое. Иван немного подумал, огляделся по сторонам, очевидно, вспоминая дорогу, и наконец указал направо.

– Туда.

– Точно? – Войтех с сомнением посветил фонарем в темноту между деревьями.

Какая-то невидимая сила тянула, звала его в противоположную сторону. Он точно знал, что им нужно налево, что там, в непроницаемой темноте, есть нечто важное, что откроется только ему.

– Точно, – заверил Иван. – Я помню дорогу. Но если хочешь, могу доказать. – Он вытащил из кармана мобильный телефон, загрузил карту и продемонстрировал ее Войтеху. Красная точка действительно светилась справа от них, всего метрах в трехстах.

Войтех посмотрел на карту, а затем снова неуверенно оглянулся. Интуиция практически вопила, что ему нужно в другую сторону. Иван тем временем спрятал телефон и повернул направо, поэтому Войтеху ничего не оставалось, как кивнуть Саше, внимательно смотрящей на него, и последовать за ним. Наверное, она понимала, что он что-то почувствовал. Знала его лучше всех. Но ничего не сказала.

До нужного места дошли быстро. Саша все это время шла ровно за Ваней, ни разу не оглянувшись. Войтех знал, что раньше она совершенно точно отстала бы, поравнялась с ним и начала выпрашивать, что он ощутил. А сейчас он видел лишь ее фигурку в оранжевом пуховике впереди, и ни разу эта фигурка не замедлила шаг, не обернулась.

Саша ни разу после их расставания не затеяла с ним серьезного разговора, не попыталась объяснить, не дала понять, что обижена или зла на него. Она вела себя так, словно не было между ними того некрасивого спора, ее поведение Войтех не мог назвать демонстрацией отчужденности или равнодушия. Казалось, будто не было двух совместных лет, будто она не заботилась о нем с первой встречи, не переживала за него, едва только познакомившись. Она словно обнулила не только их отношения, но и свой характер. И это было настолько неправильно, непривычно, что Войтех думал: лучше бы она залепила ему пощечину и заявила, что безумно зла на него. Вот это было бы настоящее Сашино поведение: эмоциональное, резкое, бескомпромиссное. Вот тогда Саша была бы такой, какой он ее знал. Правда, в случае открытого конфликта работать вместе им было бы сложнее, поэтому в глубине души Войтех радовался такому положению дел.

Иван оказался прав: на снегу в свете фонаря ярко горела красная оборванная лента. Несчастье, произошедшее здесь несколько дней назад, Войтех почувствовал физически: он вдруг испытал такой непреодолимый страх, что

захотелось бежать, срочно бежать куда подальше отсюда, прятаться, кричать, звать на помощь. Но при этом глубоко-глубоко внутри он все равно слышал тонкий голосок, зовущий его в другую сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/timoshenko_natal-ya/chernaya-dama

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)